Литовскія Епархіальныя Вѣдомости

Годъ тридцать второй. | Выходятъ по воскресеньямъ. | 13-го Ноября 1894 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 рублей. Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣдом. за прошедшіе годы и за настоящій 1894 годъ по 10 коп. (марками). Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 45.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Содержаніе № 45.

— Его Императорское Величество Государь Императоръ, 2-го ноября, въ 12 часовъ дня, въ Аничковскомъ Дворцѣ, принимая Государственный Совѣтъ, соизволилъ Предсѣдателю и Членамъ онаго Совѣта, при представленіи ихъ, сказать:

„Волею Всевышняго тяжкое горе обрушилось на всѣхъ насъ: безвременно скончался дорогой Родитель Мой Императоръ Александръ III. Покойный Государь не успѣлъ предъ смертью передать Мнѣ свою волю о выраженіи благодарности членамъ Государственнаго Совѣта за ихъ вѣрную Ему службу, но, зная, какъ незабвенный Мой Отецъ былъ всегда доволенъ трудами Государственнаго Совѣта, Я смѣло могу взять на себя право благодарить васъ отъ имени Почившаго. Да поможетъ Мнѣ Богъ нести тяжесть государственнаго служенія, преждевременно на меня возложеннаго. Надѣюсь, господа, на ваше полное содѣйствіе".

— Генералъ-адъютантамъ Свиты Его Величества, генераль-маіорамъ и флигель-адъютантамъ Государь сказалъ:

„Благодарю васъ, господа, отъ Имени горячо любимаго Отца за вашу вѣрную и честную Ему службу. Прошу васъ перенести на Меня тѣ чувства преданности и любви, которыя вы къ нему питали".

— Астраханскій губернскій предводитель дворянства, на телеграмму, отправленную Государю Императору 23-го октября, удостоился получить изъ Ливадіи, отъ Его Императорскаго Величества слѣдующій Всемилостивѣйшій отвѣтъ:

„Искренно благодарю астраханское дворянство за выраженныя Мнѣ чувства. Въ единеніи со всѣми людьми Земли Русской найду силу для исполненія многотрудной задачи, возложенной на Меня Промысломъ Всевышняго, а въ почившемъ незабвенномъ Родителѣ—свѣтлый примѣръ".

„*НИКОЛАЙ*".

— 25 го минувшаго октября, костромскій губернскій губернскій предводитель дворянства, на телеграмму, отправленную Его Императорскому Величеству, удостоился получить изъ Ливадіи слѣдующій отвѣтъ:

„Благодарю костромское дворянство за выраженныя Мнѣ чувства и благопожеланія. Мнѣ они дороги, какъ исходящія изъ мѣста родины Предковъ. Общая глубокая скорбь, связывающая всю Русскую Землю со Мною, да послужитъ залогомъ Нашихъ общихъ стараній на благо дорогаго Отечества" „*НИКОЛАЙ*".

— На всеподданнѣйшую телеграмму, посланную 29-го октября Государю Императору, послѣ совершенныхъ панихиды и молебствія, казанскій губернскій предводитель дворянства удостоился получить 30-го октября изъ кремлевскаго дворца слѣдующую телеграмму:

„Императрица и Я просимъ передать казанскимъ дворянамъ Нашу искреннюю благодарность за ихъ молитвы о ниспосланіи Намъ душевнаго успокоенія въ постигшемъ Нашу Семью, а вмѣстѣ съ Нею и всю Россію горѣ. Святой вѣрой слагалась и силилась наша родина; въ ней-же находимъ Мы утѣшеніе въ дни испытанія".

„*НИКОЛАЙ*".

Дѣйствія Правительства.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на Имя Его Императорскаго Высочества Московскаго Генералъ-Губернатора, Великаго Князя Сергія Александровича.

Ваше Императорское Высочество.

Первопрестольная столица, неизмѣнно сохраняя историческіе завѣты вѣрноподданнической преданности Россійскимъ

Самодержцамъ, и въ нынѣшніе горестные дни перенесенія останковъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III къ московскимъ святынямъ, явила вѣрный откликъ испытываемому Мною и всею Россіей тяжкому горю.

Почерпая въ проявленіяхъ горячей любви къ незабвенному Родителю Моему и искренней скорби о безвременной Его кончинѣ отрадное Себѣ утѣшеніе, ощущаю душевную потребность выразить въ лицѣ Вашего Императорскаго Высочества всѣмъ жителямъ искренно любимой Мною Москвы Мою сердечную благодарность за ихъ чувства.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Искренно благодарный и сердечно любящій Васъ Племянникъ

„НИКОЛАЙ“.

31-го октября 1894 года.
Москва.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаря Дурново.

Иванъ Николаевичъ.

Со дня праведной кончины въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, Великаго Миротворца, Я и Моя возлюбленная Матушка, безпрерывно получаемъ со всѣхъ концовъ Имперіи заявленія самаго трогательнаго и единодушнаго соболѣзнованія къ постигшей Насъ и всю Россію невознаградимой утратѣ.

Желая выразить нашу сердечную признательность: дворянству, земству, городскому общественному управленію и другимъ мѣстнымъ учрежденіямъ, Я возлагаю это на генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ, какъ областныхъ Нашихъ представителей.

Въ знакъ общаго горя, въ искреннихъ пожеланіяхъ счастливаго Царствованія и въ изъявленіи безпредѣльной преданности Престолу, Мы почерпаемъ силы къ перенесенію безвременной утраты и къ служенію Нашему горячо любимому Отечеству.

Пребываю къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

С.-Петербургъ.
3 ноября 1894 г.

— Его Императорскому Величеству благоугодно было, 3 сего ноября, выразить Высочайшую волю: сохранить за собою предсѣдательствованіе въ комитетѣ сибирской желѣзной дороги.

Циркулярная депеша Министра Иностранныхъ Дѣлъ, статсъ-секретаря Гирса, къ Россійско-Императорскимъ представителямъ за границею, отъ 28-го октября 1894 года.

С.-Петербургъ, 28-го октября 1894 г.

Нашъ Августѣйшій Государь, унаслѣдовавъ Верховную Власть, возложенную на Него неисповѣдимыми путями Божественнаго Провидѣнія, одушевленъ твердою рѣшимостью всецѣло пріять на Себя и высокую задачу, которую предначерталъ Себѣ незабвенный возлюбленный Родитель Его Императоръ Александръ III.

Его Величество посвятитъ всѣ Свои заботы развитію внутренняго благосостоянія Россіи и ни въ чемъ не уклонится отъ вполнѣ миролюбивой, твердой и прямодушной политики, столь мощно содѣйствовавшей всеобщему успокоенію.

Россія пребудетъ неизмѣнно вѣрною своимъ преданіямъ. Она направитъ свои старанія къ поддержанію дружественныхъ отношеній со всѣми державами и будетъ, попрежнему, усматривать въ уваженіи права и законнаго порядка наилучшій залогъ безопасности государствъ.

Въ началѣ славнаго Царствованія, сдѣлавшагося нынѣ достояніемъ исторіи, предначертанныя цѣли сводились къ осуществленію идеала Россіи, мощной и преуспѣвающей для ея собственнаго блага, а не въ ущербъ другимъ. Нынѣ, на зарѣ новаго Царствованія, мы съ неизмѣнною искренностью объявляемъ, что будемъ слѣдовать тѣмъ же началамъ, призывая Благословеніе Всевышняго на плодотворное и непреложное ихъ примѣненіе въ теченіе долгихъ лѣтъ.

Благоволите поставить въ извѣстность правительство, при которомъ вы аккредитованы, о вышеизложенныхъ намѣреніяхъ Его Величества Государя Императора, прочитавъ настоящую депешу г. министру иностранныхъ дѣлъ.

Примите увѣреніе, и проч.

Мѣстныя Распоряженія.

5 ноября утвержденъ **въ должности церковнаго старосты** на три года выбранный къ Трокской Рождество-Богородицкой церкви податный инспекторъ А. А. Стрекаловъ.

Мѣстныя извѣстія.

(Вниманію духовенства Литовской епархіи).

— Глубоко сочувствуя поступающимъ ко мнѣ заявленіямъ о.о. благочинныхъ о желаніи духовенства Литовской епархіи увѣковѣчить благоговѣйную и благодарную память о въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III, великомъ Ревнителѣ благочестія и высокомъ Покровителѣ Церкви Православной и всегда отечески-милостиво-благосклонномъ къ состоянію и нуждамъ служителей ея, *учрежденіемъ* въ Виленскомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства, состоящемъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, *стипендіи* Его Августѣйшаго Имени, на что будетъ своевременно испрошено Высочайшее соизволеніе Его Императорскаго Величества, благословляю и разрѣшаю открыть въ средѣ духовенства подписку для сбора пожертвованій на сей предметъ, съ предложеніемъ незамедлительно присылать подписныя деньги *на мое имя.* Въ основаніе необходимой для вышеозначенной цѣли суммы да будетъ моя первая жертва—*тысяча рублей.*

Іеронимъ Епископъ Литовскій.

— Съ 3 ноября псаломщикъ Быстрицкой церкви, Виленскаго уѣзда, *Осипъ Разумовичъ* **принятъ по призыву** сего года въ военную службу.

— 1 ноября **рукоположенъ** во священника къ Ятвѣсской церкви, Волковыскаго уѣзда, *Василій Чулковъ*.

— 30 октября рукоположенъ во священника къ Верстокской церкви, Брестскаго уѣзда, діаконъ *Владиміръ Дорошевскій*.

— **Пожертвованія.** Приходское попечительство Сычевской церкви, Брестскаго уѣзда, въ текущемъ году на ремонтъ церкви пожертвовало 239 руб. 25 коп.

— На церковную утварь для училищной Свято-Андреевской церкви въ г. Вильнѣ пожертвовано: отъ Его Преосвященства Преосвященнѣйшаго Іеронима, Епископа Литовскаго и Виленскаго — 100 рублей; чрезъ настоятельницу Виленскаго женскаго монастыря игуменію Антонію на вѣчное поминовеніе раба Божія Михаила отъ неизвѣстнаго— 100 рублей.

— Въ 20-й день по кончинѣ Государя Императора Александра III, Преосвященнѣйшимъ Іеронимомъ роздано бѣднымъ г. Вильны 400 безплатныхъ билетовъ на обѣдъ. Столько же билетовъ будетъ роздано Его Преосвященствомъ и въ 40-й день, 28 ноября.

— **Посѣщеніе Литовской духовной семинаріи.** 5-го сего ноября Литовскую духовную семинарію посѣтилъ Преосвященнѣйшій Іеронимъ, Епископъ Литовскій и Виленскій. Владыка прибылъ въ семинарію въ началѣ 12 часа и былъ встрѣченъ о. ректоромъ, архимандритомъ Павломъ. Въ сопровожденіи о. ректора Преосвященный Іеронимъ прослѣдовалъ въ IV классъ на урокъ Священнаго Писанія, гдѣ слушалъ отвѣты учениковъ и объясненія преподавателя. Затѣмъ, Владыка прослушалъ нѣсколько отвѣтовъ по церковной исторіи въ III-мъ классѣ и въ исходѣ перваго часа отбылъ изъ семинаріи.

— **Посѣщеніе Его Преосвященствомъ женскаго училища при Виленскомъ Маріинскомъ монастырѣ.** 10 сего ноября, въ 1 часъ дня Его Преосвященство посѣтилъ сказанное училище; зайдя въ старшій классъ училища, гдѣ былъ урокъ по Закону Божію, Владыка, по случаю болѣзни законоучителя о. прот. Томарова, самъ сталъ спрашивать воспитанницъ какъ по содержанію урока, такъ и изъ прежде пройденнаго. Владыка былъ обрадованъ точными и осмысленными отвѣтами воспитанницъ, которые оказались болѣе чѣмъ удовлетворительными.

— Въ Виленскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія 3 ноября былъ отслуженъ въ домовой училищной церкви благодарственный Господу Богу молебенъ объ избавленіи г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, д. т. с. Константина Петровича Побѣдоносцева отъ угрожавшей его жизни опасности при крушеніи поѣзда подъ Москвой.

- 3-го ноября, въ 1 часъ дня, по тому же поводу отслуженъ благодарственный молебенъ отцомъ ректоромъ семинаріи архим. Павломъ въ присутствіи всѣхъ служащихъ въ семинаріи, воспитанниковъ и учениковъ образцовой при семинаріи школы въ монастырско-семинарскомъ С.-Троицкомъ храмѣ.

— 5 ноября мужское духовное училище, въ полномъ составѣ учащихъ и учащихся, въ большую перемѣну во время уроковъ, собралось въ своей Андреевской церкви, чтобы вознести къ Богу благодарственное моленіе по указанному выше случаю. Служащій въ Андреевской церкви священникъ о. Нименскій, обратившись къ ученикамъ, разъяснилъ имъ, что мы, христіане, всегда должны сопутствовать молитвою важнѣйшіе моменты жизни своихъ начальниковъ и благодѣтелей. Затѣмъ онъ указалъ, что заслуги К. П. на высокомъ, отвѣтственномъ и трудномъ посту Оберъ-Прокурора Св. Синода слишкомъ велики и осязательны предъ отечествомъ и православною Русскою Церковью, и что въ благополучномъ миновании грозившей ему опасности, несомнѣнно, нужно видѣть проявленіе особой милости Божіей надъ этимъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, жизнь котораго Господь сохранилъ, очевидно, на пользу дорогой намъ родины, „и намъ, говорилъ проповѣдникъ, остается только искренно возблагодарить Бога за явленную предъ нами милость и просить Его о сохраненіи безболѣзненной и мирной жизни К. П. на многіе и многіе годы“.

— **Архіерейскія служенія.** 6-го ноября, въ 22 недѣлю по Пятидесятницѣ, Преосвященнѣйшій Іеронимъ, Епископъ Литовскій и Виленскій, совершилъ Божественную литургію и послѣ оной панихиду въ каѳедральномъ соборѣ. Въ обычное время, по содержанію Евангельской притчи о Богатомъ и Лазарѣ, предложилъ въ бесѣдѣ отвѣтъ на вопросъ — *почему по смерти такъ различна оказалась участь богача и бѣдняка*—и соотвѣтствующія этому предмету наставленія.

— 7 ноября, въ понедѣльникъ, въ день погребенія тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III, Преосвященнѣйшій Іеронимъ, Епископъ Литовскій и Виленскій, совершилъ въ каѳедральномъ соборѣ заупокойную литургію и панихиду въ сослуженіи духовенства г. Вильны и въ присутствіи воспитанниковъ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Входное „Пріидите поклонимся“, „Со святыми упокой“, „Вѣрую“, „Достойно есть“, „Отче нашъ“ и вмѣсто причастна „Покой, Спасе нашъ“ исполнены были всѣми воспитанниками, воспитанницами и хорами; это всенародное пѣніе производило глубокое впечатлѣніе на души молящихся; чудные звуки священныхъ пѣснопѣній живою волною носились подъ сводами величественнаго храма и вносили въ душу, разбитую горемъ, миръ и утѣшеніе.

На панихидѣ присутствовали: г. губернаторъ гофмейстеръ Двора Его Величества т. с. баронъ Гревеницъ съ супругою, помощникъ командующаго войсками виленскаго военнаго округа, генералъ-отъ-инфантеріи Чемерзинъ, попечитель виленскаго учебнаго округа т. с. Н. А. Сергіевскій, начальникъ штаба округа генералъ-лейтенантъ Соболевъ, предсѣдатели управленій и начальники отдѣльныхъ частей и было множество молящихся, не только въ церкви, но и на паперти, причемъ всѣ дамы были въ траурѣ.

— 8-го ноября, во вторникъ, въ день св. Архистратига Михаила, и въ 20-й день кончины въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Александровича, Пресвященнѣйшій Іеронимъ совершилъ въ каѳедральномъ соборѣ заупокойную литургію и панихиду въ такомъ же порядкѣ какъ и вчера. Соборъ былъ полонъ представителями власти и чинами разныхъ управленій и воспитанниками духовныхъ и свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Воспитанники низшихъ учеб. заведеній были собраны въ Пречистенскій соборъ.

— 10-го ноября, въ годовщину смерти въ Бозѣ почившаго Архіепископа Алексія, въ Виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ, послѣ соборнѣ совершенной о. намѣстникомъ литургіи, Его Преосвященство совершилъ панихиду

по въ Бозѣ почившемъ Архипастырѣ, прахъ котораго покоится въ пещерной церкви того же монастыря. Въ концѣ панихиды Преосвященнѣйшій Іеронимъ, въ предшествіи сослужащаго духовенства, сошелъ въ пещерную церковь и здѣсь на могилѣ почившаго Іерарха совершилъ литію; при пѣніи „Вѣчная память" всѣ преклонились до земли. На панихидѣ присутствовали: г. попечитель учебнаго округа т. с. Н. А. Сергіевскій, г. губернаторъ съ супругой, г. городской голова д. с. с. Голубиновъ и др.

— 7-го числа во всѣхъ православныхъ храмахъ были совершены панихиды; причемъ въ Пречистенскомъ соборѣ на богослуженіи присутствовали ученики всѣхъ низше-учебныхъ заведеній Вильны со своими наставниками, а также инспекторами народныхъ училищъ.

Панихиды по въ Бозѣ почившемъ Государѣ были совершены въ католическихъ храмахъ, лютеранской киркѣ и въ другихъ иновѣрческихъ молитвенныхъ домахъ.

Нѣсколько домовъ на этотъ разъ были украшены траурными флагами.

— Отъ Правленія Виленскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства. Правленіе училища покорнѣйше проситъ родителей и попечителей дѣвицъ, воспитывающихся въ училищѣ, о скорѣйшемъ внесеніи платы за содержаніе ихъ въ 1 полуг. 189⁴/₅ учебнаго года, напоминая, что за II полугодіе 189⁴/₅ уч. г., согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 20—29 мая 1894 г. за № 1319, объявленному въ № 41 Епархіальныхъ Вѣдомостей, полагается вносить за содержаніе каждой своекоштной воспитанницы по 50 р. 3—2

— Вакансіи: Псаломщиковъ: въ с. *Дятловичахъ* (3)—Волковыскаго уѣзда; въ с. *Верхнемъ* (2)—Дисненскаго уѣзда, въ г. *Ошмянахъ* (3) и въ м. *Быстрицѣ* (1)—Виленскаго уѣзда.

Неоффиціальный Отдѣлъ.

Перевезеніе тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора въ Московскій Архангельскій соборъ 30-го октября.

Москва молится. Ея церкви полны. Не тысячи, а миліоны свѣчей горятъ въ нихъ за упокой Царя-Миротворца. Да! И русскіе, и иностранцы-корреспонденты видятъ, что Москва, сердце Россіи, дѣйствительно, сердечно, горячо скорбитъ о потерѣ своего Царя. Все облеклось у ней въ трауръ, и эта скорбь ея видится и во внѣшнемъ своемъ выраженіи, этомъ небываломъ, пышномъ трауре, которымъ облекла Москва свои дома, и во внутреннемъ чувствѣ, которое можно прочесть на лицѣ каждаго москвича: мнѣ пришлось быть на панихидахъ и я видѣлъ, какъ плакали и женщины, и мужчины, когда возглашалась вѣчная память благочестивѣйшему Императору Александру III. Панихиды служатся во всѣхъ церквахъ, всѣми учрежденіями, обществами и по заказу частныхъ лицъ.

Грустно, эфектно убранство Москвы. Главныя улицы такъ густо убраны черными, черными съ бѣлымъ флагами, траурными орифламами сажени въ 3—4 длины, что, кажется, ничего не видно, кромѣ ряда черныхъ флаговъ. Зданіе думы закрыто громадными декораціонными пирамидами съ обелисками. На пирамидѣ гигантскій транспарантъ —Императорская корона на подушкѣ и гербъ, подернутые флеромъ. Подъѣздъ дома генералъ-губернатора обитъ въ видѣ черной ниши, во многихъ мѣстахъ выставлены бюсты и портреты почившаго Императора въ траурномъ убранствѣ.

На Мясницкой улицѣ гирлянды траурныхъ флаговъ перекнуты съ крышъ домовъ, образуя воздушную сѣть, въ центрѣ которой укрѣплена траурная Императорская корона. Фонтаны на площадяхъ закрыты черными драпировками и стоятъ въ видѣ гробницъ и пирамидъ, иные накрыты черными съ серебрянымъ позументомъ пеленами. Громадныя траурныя орифламы въ нѣсколько саженъ свѣшиваются съ крышъ пяти-этажныхъ домовъ на тротуары. Гирлянды зеленой хвои и черно-бѣлыя полосы сукна обвиваютъ колоннады многихъ зданій. Красныя ворота превратились въ черныя, въ траурный гротъ, на черномъ фонѣ котораго рѣзко выдѣляются зеленыя пальмовыя вѣтви. Черныя пирамиды, обелиски разставлены на всѣхъ площадяхъ. На воротахъ рязанскаго вокзала, стороной обращенной къ полотну, по которому долженъ проходить траурный поѣздъ, тянется по черному сукну бѣлыми буквами надпись: „Миръ праху Твоему".

На соединительной линіи Курской желѣзной дороги съ Николаевской, высоко надъ окрестными улицами и площадью, стоитъ спеціально для принятія траурнаго поѣзда устроенная городомъ станція-шатеръ. На виду всей Москвы поѣздъ подошелъ къ этому шатру. Очень эффектна эта временная станція. По серединѣ дебаркадера высится продолговатый въ 7 пролетовъ павильонъ, центръ котораго покрытъ куполомъ съ Императорскою короною на верху.

На карнизѣ купола идутъ кругомъ государственные гербы, по сторонамъ, немного ниже 4 жертвенника. На фасадѣ, обращенномъ къ рельсамъ, прикрѣпленъ громадный щитъ съ вензелемъ почившаго Императора, а на фронтонѣ, выходящемъ на улицу, прикрѣпленъ московскій гербъ. Вся эта центральная сѣнь убрана гирляндами хвои и лѣсомъ елей, а по бокамъ сѣни протянулись два павильона, каждый въ 3 арки. Между арками стоятъ бѣлыя хоругви съ черными иниціалами А III, и прикрѣплены щиты съ гербами Москвы, годомъ кончины и восшествія на престолъ.

Здѣсь Москва и приняла гробъ своего почившаго Царя. Здѣсь собрались августѣйшій московскій генералъ-губернаторъ, митрополитъ Сергій и архіереи, а также всѣ живущіе въ Москвѣ придворные и высшіе гражданскіе чины. Ранѣе въ 9 часовъ были встрѣчены здѣсь же Императорскія регаліи, привезенныя изъ Петербурга. Когда пришелъ поѣздъ и гробъ вынесли изъ вагона, было 10½ часовъ. Митрополитъ совершилъ литію. Государь и великіе князья поставили гробъ на колесницу. Шествіе тронулось безъ пяти минутъ въ 11 часовъ. Загудѣлъ колоколъ Ивана Великаго и пошелъ перезвонъ по всей Москвѣ. Процесія была длиной версты на двѣ, а духовная процесія за ней занимала полверсты; несли 88 хоругвей, шло 256 священниковъ, 16 архимандритовъ, придворное духовенство, и о. Іоаннъ Кронштадтскій, придворный протопресвитеръ, викарные епископы и всю дорогу маститый митрополитъ московскій Сергій. Путь густо усыпанъ ельникомъ. У всѣхъ церквей выходитъ на встрѣчу духовенство и служитъ литіи, также и у Иверской часовни.

Здѣсь картина была особенно умилительна, когда среди моря народа показались хоругви, и всѣ десятки тысячъ

головъ обнажились и закрестились разомъ. Митрополитъ совершилъ литію, а Государь послѣ того, на глазахъ всего народа, преклонилъ колѣна предъ московскою и всероссійскою святыней, образомъ Божіей Матери, приложился къ нему и снова преклонилъ колѣна.

Въ Кремлѣ стояли всѣ воспитанники учебныхъ заведеній, и институтки и гимназистки. Противъ Архангельскаго собора былъ выстроенъ почетный караулъ отъ Екатеринославскаго пѣхотнаго Его Величества полка.

Государь и великіе князья внесли гробъ въ соборъ.

Духовенство въ церкви отслужило панихиду, послѣ которой Государыня съ августѣйшею сестрою и великими княгинями прошла прямо во дворецъ, а Государь, въ предшествіи архимандритовъ, архіереевъ и митрополита, пошелъ въ Успенскій соборъ; здѣсь встрѣтилъ Его Величество Государя Императора Николая Александровича Сергій, митрополитъ московскій, слѣдующею рѣчью:

Благочестивѣйшій Государь!

Жители сѣвера бываютъ очевидцами, что, когда въ самый долгій лѣтній день закатывается солнце, тотчасъ восходитъ какъ будто другое, а въ сущности то-же.

Солнце, болѣе тринадцати лѣтъ озарявшее землю Россійскую своими мягкими, мирными, живительными лучами, „позна западъ свой". Но неукоснительно востекло надъ нами новое солнце, ему сродное не по сыновству только, но и по силѣ самодержавія, и по духу единомыслія; ибо Ты, Благочестивѣйшій Государь, положивъ Себѣ цѣлію мирное преуспѣяніе, могущество и славу Россіи, слѣдуешь примѣру Твоего Родителя.

Поелику-же „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ", и безъ Его сіянія и солнце небесное давно-бы померкло; то первопрестольная Твоя столица, эти дни скорби радостно узрѣвши Тебя, молитъ Свѣтодавца—да возсіяваетъ въ Твоихъ дѣяніяхъ и повелѣніяхъ Его свѣтъ присносущный и своими животворящими лучами да согрѣваетъ и хранитъ Твою жизнь на многія лѣта".

Послѣ того Государь тамъ поклонялся святынямъ, и оттуда прошелъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ поклонялся св. мощамъ и затѣмъ внутреннимъ ходомъ прошелъ во дворецъ.

Въ процесіи везли на двухъ колесницахъ серебряные вѣнки, ихъ цѣлая масса. По отбытіи Царской Фамиліи сейчасъ же служилась панихида на соборной площади, гдѣ стояли учебныя заведенія, преосвященнымъ Несторомъ съ двумя архимандритами, въ присутствіи попечителя учебнаго округа графа Капниста и учащихся.

Въ Архангельскомъ соборѣ у гроба почившаго Императора въ пятомъ часу вечера совершена панихида городскою думою, а въ десятомъ часу вечера служило панихиду въ соборѣ у гроба московское дворянство. Народъ на поклоненіе пускали съ 10 часовъ вечера и всю ночь. Перебывало болѣе 35,000 человѣкъ, да ранѣе ходили учебныя заведенія и чиновники. Тѣло Государя Александра III лежало въ золотомъ гробу, покрытое золотою глазетовою мантіею, опушенною горностаемъ. Гробъ стоялъ на катафалкѣ подъ балдахиномъ въ видѣ шатра съ шапкой Мономаха и короной. Въ головахъ, священникъ въ бѣломъ облаченіи читалъ Евангеліе. За его аналоемъ стояло 11 золотыхъ табуретовъ, на которыхъ лежали на золотыхъ подушкахъ Императорскія регаліи въ три ряда; въ первомъ 5 табуретокъ, на крайнихъ лежали справа большой длины Императорскій мечъ въ золотыхъ ножнахъ, слѣва Императорскій щитъ, большой обтянутый малиновымъ бархатомъ и весь усѣянный гвоздями изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ съ емалью. Между щитомъ и мечомъ 3 короны: грузинская, таврическая, сибирская, во второмъ ряду еще 3 короны: польская, астраханская, казанская, въ первомъ ряду—круглый золотой шаръ съ бриліантовыми украшеніями и крестомъ—Государственная держава; въ серединѣ блистая чудными бриліантами, вся какъ бы сотканная изъ нихъ, лежала Императорская корона, а справа отъ нея небольшой золотой съ изумрудомъ и бриліантами жезлъ—государственный скипетръ. Передъ регаліями стояло государственное знамя. Въ ногахъ гроба, ближе къ алтарю, въ 3 ряда 13 табуретокъ съ подушками, на которыхъ лежали ордена и знаки отличія, указанные въ церемоніалѣ (русскіе).

У гроба стояло дежурство: 2 камеръюнкера, 2 камеръ-лакея, 4 изъ чиновъ Двора и сановниковъ, 4 офицера, 2 дворцовыхъ гренадера, а въ ногахъ—въ рядъ отъ алтаря до орденовъ 4 юнкера Александровскаго военнаго училища. То благоговѣніе, съ которымъ подходилъ народъ прощаться всю ночь и тотъ порядокъ при этомъ — были изумительны.

Одинъ изъ очевидцевъ процессіи говоритъ: Скажу кратко: ничего подобнаго этому шествію, по строгой красотѣ и скорбной выразительности его, Москва еще не видала. Оно наглядно воплотило собою горе всей Россіи, которая въ лицѣ сотенъ тысячъ московскаго народа—вся шла за этимъ золотымъ, колыхающимся надъ головами человѣческаго муравейника, катафалкомъ, съ золотой короной на балдахинѣ, вся—всѣми своими племенами, возрастами, сословіями.

Я наблюдалъ шествіе съ Театральной площади, неузнаваемой въ своемъ новомъ мрачномъ одѣяніи. Люди были всюду: въ окнахъ, на крышахъ, на фонаряхъ, воротахъ и аркахъ.

„Чернаго" народа такая масса, что „интелигентъ" поглощенъ имъ, какъ песчинка пропадаетъ въ морѣ. Люди приплелись съ вечера изъ Дорогомилова, Даниловой слободы, Рогожской, за семь, за восемь и дал. верстъ, волоча на плечахъ столы, стулья, скамьи, доски, табуреты, стояли и ждали печальнаго шествія по пятнадцати—четырнадцати часовъ: на Театральную площадь процессія пришла въ началѣ перваго часа. Когда эта чернорабочая и мастеровая армія двинулась во-свояси, казалось, что она возвращается, обремененная добычей изъ завоеваннаго города: столько деревянной мебели волочила она за собою. Охотнорядцы выкатили пустыя бочки; съ днища на днище перекинули однотесныя бочки, гибкія, готовыя ежесекундно сломаться.

Поклоняться праху усопшаго Царя народъ впускался черезъ Спасскія ворота — длинною непрерываемой цѣпью, которая тянется звеньями, по два человѣка въ рядъ, изъ Замоскворѣчья, черезъ Москворѣцкій мостъ, мимо Василія Блаженнаго, вверхъ по кремлевскому холму, до дверей Архангельскаго собора и, выползая изъ собора, спускается къ Боровицкимъ воротамъ, а, чрезъ нихъ, въ Александровскій садъ, къ Каменному мосту, на Моховую и Знаменку. Неутомимое perpetuum mobile человѣческихъ головъ. Вотъ вамъ и—„кто, силачъ, возьметъ въ охапку холмъ Кремля-Богатыря"? Пришелъ народъ, охватилъ, держитъ и обнимаетъ и выпустить изъ объятій не хочетъ.

31-го октября, утромъ, съ 5 часовъ, по пути печальной процессіи улицы и Кремль были полны народомъ. По прежнему въ Кремлѣ сосредоточились учебныя заведенія—

шпалерами, внѣ Кремля—шпалерами стояли войска; передъ Архангельскимъ соборомъ почетный караулъ екатеринославцевъ. Ко времени выхода окончилась въ соборѣ заупокойная литургія. Во дворцѣ, въ Георгіевской залѣ было собрано до 1500 депутатовъ отъ разныхъ учрежденій и вѣдомствъ города Москвы. Государь Императоръ съ Августѣйшей Матерью-Царицей прошелъ среди присутствующихъ, выслушалъ привѣтствіе городского головы и обратился къ бывшимъ въ залѣ съ рѣчью, которая уже напечатана. Пока Государь былъ во дворцѣ, въ Архангельскомъ соборѣ, всѣ приготовились къ шествію, сняли и вынесли регаліи и ордена. Выйдя изъ дворца на Красное крыльцо, Государь поклонился народу буквально запрудившему весь Кремль. Невыдержало русское сердце и раскатистое ура пронеслось громомъ по площади и также быстро оборвалось. Изъ Кремлевскаго дворца черезъ площадь по черному сукну прошли Августѣйшая Невѣста Государя, принцесса Валлійская, великія княгини Елисавета Ѳеодоровна, Ксенія Александровна, великая княжна Ольга Александровна, великіе князья Алексѣй Александровичъ, Михаилъ Николаевичъ, Александръ Михаиловичъ, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. Вскорѣ, въ предшествіи оберъ-церемоніймейстера князя Долгорукаго и въ должности гофмаршала графа Бенкендорфа спустились изъ Кремля по Красному крыльцу, теперь обтянутому чернымъ, Ихъ Величества Государь Императоръ и вдовствующая Императрица-Мать. Позади Ихъ Величествъ шли министръ Двора и дежурныя лица свиты.

По совершеніи литіи къ церкви подвезли колесницу, подъ золотымъ балдахиномъ съ Императорскою короною на верху и двуглавыми золотыми орлами по угламъ крыши балдахина. Великій князь Михаилъ Николаевичъ въ ногахъ, прочіе августѣйшіе особы и Государь Императоръ въ головѣ вынесли изъ церкви гробъ и передали его дворцовымъ гренадерамъ, которые и поставили его на колесницу. При кистяхъ и штангахъ стали генералъ-адъютанты. Митрополитъ московскій Сергій, протопресвитеръ Янышевъ съ иконою предшествовали гробу; Государь, принцъ Уэльскій, великіе князья и свита сопровождали. Въ траурной каретѣ въ 8 лошадей цугомъ поѣхали Государыня Императрица, Августѣйшая Невѣста Государя и великія княгини, прочія кареты слѣдовали въ 4 лошади.

Такъ же по прежнему церемоніалу направилось по траурной Москвѣ шествіе подъ унылый перезвонъ колоколовъ, подъ ежеминутный гулъ орудій и печальные звуки пѣнія и музыки, также шла огромная процессія духовенства въ бѣлыхъ ризахъ священники съ зажженными зелеными свѣчами въ рукахъ, по сторонамъ колесницы шли съ громадными бѣлыми свѣчами 60 кадетъ, въ черныхъ съ бѣлымъ шарфахъ черезъ плечо. По всему пути горѣли газовые фонари, подернутые флеромъ.

На большой городской платформѣ гробъ поставили и по совершеніи литіи внесли въ траурный вагонъ. Москва проводила почившаго Царя, котораго такъ любила.

Нѣсколько фотографовъ, получившихъ разрѣшеніе, снимали процессію съ разныхъ пунктовъ, въ Кремлѣ снималъ моментъ перенесенія гроба фотографъ Труповъ, но никакой фотографъ и художникъ не передастъ этой картины, которую видѣли въ Москвѣ ночью, когда всю ночь, точно гигантская змѣя извиваясь по кремлевскимъ площадямъ, стояла по 3, по 4 въ рядъ въ колчаніи многочисленная толпа народа, стояла цѣлыми часами, ожидая только одного—проникнуть въ соборъ и на минуту поклониться праху почившаго Государя!

А при печальномъ шествіи—можно сказать, вся Москва была на улицѣ. Окна домовъ открыты, всѣ балконы, а гдѣ и крыши усѣяны народомъ. И когда эти тысячныя массы начинають креститься — это нѣчто умилительное, величественное, трогательное.

Прощаніе Москвы съ Царемъ своимъ *).

Съ сокрушеннымъ сердцемъ, съ тоской и рыданіемъ ждала Москва Царя своего. И вотъ, наконецъ, *взяшася врата плачевная*, Онъ здѣсь, посреди насъ, бездыханный, безмолвный, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ являлся намъ вѣнчанный и превознесенный, во всей красѣ своей, и душа умилялась на Него глядя, и мы плакали отъ умиленія радостными слезами. Нынѣ на томъ же мѣстѣ плачемъ и рыдаемъ, помышляя смерть!

Страшно было вступленіе Его на царство. Онъ возсѣлъ на престолъ Отцовъ Своихъ, орошенный слезами, поникнувъ главою, посреди ужаса народнаго, посреди шипящей злобы и крамолы. Но тихій свѣтъ, горѣвшій въ душѣ Его, со смиреніемъ, съ покорностью волѣ Промысла и долгу, разсѣялъ скопившіеся туманы, и Онъ воспрянулъ оживить надежды народа. Когда являлся Онъ народу, рѣдко слышалась рѣчь Его, но взоры Его были краснорѣчивѣе рѣчей, ибо привлекали къ себѣ душу народную: въ нихъ сказывалась самая тихая и глубокая и ласковая народная душа, и въ голосѣ Его звучали сладостныя и ободряющія сочувствія. Не видѣли Его господственнаго величія въ дѣлахъ побѣды и военной славы, но видѣли и чувствовали, какъ отзывается въ душѣ Его всякое горе человѣческое и всякая нужда и какъ болитъ она и отвращается отъ крови, вражды, лжи и насилія. Таковъ, самъ собою, выросъ образъ Его предъ народомъ, предо всею Европою и предъ цѣлымъ свѣтомъ, привлекая къ Нему сердца и безмолвно проповѣдуя всюду благословеніе мира и правды.

Не забудетъ Москва лучезарный день Его Коронаціи, свѣтлый, тихій, точно день пасхальный. Тутъ, казалось, Онъ и Его Россія глядѣли другъ другу въ очи, лобзая другъ друга. Благочестивый Царь, облеченный всѣмъ величіемъ сана и священія церковнаго, являлъ своему народу *въ церкви* и все величіе Своего царственнаго *смиренія*. Не забыть той минуты, когда сіялъ на челѣ Его царскій вѣнецъ, и передъ Нимъ, колѣнопреклоненная, принимала отъ Него вѣнецъ Царица.—Она, обреченная Ему какъ залогъ любви, на одрѣ смертномъ, умирающимъ Братомъ. Съ того самого дня полюбилъ Ее народъ, увѣровавъ въ святость благословеннаго Богомъ союза, и когда Они являлись народу, неразлучные, вмѣстѣ, въ Его и въ Ея взорахъ чуялъ одну и ту же ласку любящей русской души.

И вотъ явился гробъ Его въ сердцѣ Россіи, въ Архангельскомъ соборѣ, посреди гробницъ, подъ коими почіютъ начальные вожди земли русской. Кого изо всѣхъ уподобить Ему! Всѣхъ ихъ оплакалъ въ свое время сиротствующій народъ, оплакалъ и тишайшаго царя Алексѣя... Но надъ кѣмъ были такія слезы! Надъ кѣмъ такъ скорбѣла и жалилась душа народная!

Проводила Его Москва, проводила на вѣки, и желѣз-

*) Изъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

ный конь унесъ Его далеко, въ новую усыпальницу царей русскихъ. Прощай, возлюбленный Царь нашъ! Прощай, Благочестивый, милый народу, *тишайшій* Царь Александръ Александровичъ!... Господь даровалъ намъ Твое тринадцатилѣтнее царствованіе... И Господь отъялъ! Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка. *К. II.*

— **Въ день перевезенія Тѣла въ Бозѣ почившаго Императора Александра III въ Петербургъ** „Нов. Вр.“ посвящаетъ этому событію слѣдующія прочувствованныя слова:

„Въ столицу въѣзжаетъ въ Бозѣ почившій Императоръ. Въѣзжаетъ Онъ съ такимъ торжествомъ, съ какимъ никогда не являлся въ ней при жизни. Ему приготовили удивительную встрѣчу, полную тихаго, но величаваго значенія. Эти дома, убранные въ трауръ, эти флаги, эти процессіи, эти знамена гербовъ тѣхъ странъ, удѣловъ, народностей, городовъ, которые постепенно сплачивались въ русское великое единство, эти представители всѣхъ сторонъ жизни Русскаго Царства, представители иностранныхъ державъ, все это соединилось, чтобъ запечатлѣть любовь и уваженіе къ Императору, Который пронесъ русское имя по всему міру, какъ имя великаго и миролюбиваго народа, Душа Русскаго Царя, русскаго въ полномъ значеніи этого слова, пронеслась надъ вселенной, какъ благодатная звѣзда всеобщаго мира, и всѣ народы обратили къ ней благодарные взоры, выражая желаніе, чтобъ она сіяла вѣчно. Онъ будетъ жить во всемірной исторіи, какъ благородный вождь великаго народа и какъ честный человѣкъ. Простыя слова, но вѣчно только то, что благородно и честно, что говоритъ всякому сердцу. Истинно доброе просто и, быть можетъ, настаютъ времена того героизма, который дѣйствуетъ безъ шума, не ищетъ похвалъ и одобреній, но которому тѣмъ ярче отдаютъ почетъ, когда выразители его окончили свою жизнь.

Праху почившаго Государя поклонилась Москва. Архангельскій соборъ, гдѣ спятъ наши древніе цари, видѣлъ въ своихъ стѣнахъ этотъ прахъ, и тѣни почившихъ царей, быть можетъ, посились тамъ въ ночной тиши и шептали слова любви и привѣта Царю, который такъ честно и славно служилъ своему отечеству. Новая Русь, въ лицѣ Его какъ-бы браталась въ этихъ древнихъ стѣнахъ церкви съ старой Русью и признавала въ этой старой Руси такіе завѣты, безъ которыхъ русскій народъ не выдѣлился-бы такъ державно среди славянскаго племени и народовъ Европы. Отнынѣ нѣтъ розни между старой и новой Русью. Ее сгладилъ почившій Императоръ. Что было хорошаго, смиреннаго, религіознаго, здраваго и разсудительнаго, что было честно-семейнаго, что было запечатлѣннаго великимъ терпѣніемъ, все это соединилъ въ своемъ лицѣ почившій Государь, и міръ призналъ Его и Русскимъ, и своимъ, европейцемъ, мощнымъ поборникомъ мира. Въ Петропавловскомъ соборѣ покоится прахъ того смѣлаго, всеобъемлющаго владыки, который съ такой энергіей ломалъ старую Русь, стараясь создать на развалинахъ русскихъ нравовъ, обычаевъ, преданій—новую европейскую Россію. Но какъ ни велики были его силы, два вѣка надо было, чтобъ отличить хорошее и дурное, вѣчное и преходящее, надобны были реформы Александра II, и надо было воплощеніе добродѣтелей и политическаго ума старой Руси и миролюбіе честной и доброй души почившаго Государя, чтобъ русскій съ гордостью могъ сказать, что онъ русскій, и что онъ ни въ чемъ отнынѣ не уступитъ другимъ народамъ, полный силы и самосознанія. И тѣнь Петра Великаго, который былъ воплощеніемъ стремительныхъ и пламенныхъ сторонъ русскаго характера, съ любовью склонится надъ гробомъ Александра III. На пространствѣ двухъ столѣтій эти два Государя вполнѣ выражаютъ собою всѣ черты русскаго характера, одинъ — исключительныя, безмѣрно смѣлыя, другой—постоянныя и спокойныя“.

Перенесеніе тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III-го въ Петропавловскій соборъ.

— **Ночь наканунѣ перенесенія.** Въ пять часовъ утра 1-го ноября, когда Петербургъ еще не успѣлъ растаться съ окутавшимъ его темнымъ покровомъ ночи, на Невскомъ проспектѣ и другихъ улицахъ, гдѣ предполагалось слѣдованіе печальной процессіи, стали уже обрисовываться отдѣльные силуэты разнаго люда, заблаговременно желавшаго обезпечить себя мѣстами.

Ночь была сырая, но не холодная. Въ торжественной тиши ночи безшумно, но спѣшно заканчивались послѣднія работы по убранству трауромъ печальнаго пути. Крайній флигель Аничковскаго Дворца, унизанный длинными лѣстницами, еще облекался въ глубокій трауръ при свѣтѣ передвижныхъ элекрическихъ фонарей.

На думской башнѣ ударило четверть „шестаго. Въ окнахъ домовъ Невскаго проспекта мало-по-малу показывается свѣтъ—Петербургъ рано проснулся въ это утро и готовился къ торжественной встрѣчѣ Драгоцѣннаго Праха, покоющагося въ гробу. Темно, а на Невскомъ мѣстами уже тонкой змѣйкой вытянулись ленты народа, остановившагося вдоль панелей. У подъѣздовъ расположились группы въ ожиданіи открытія дверей—это были служащіе въ банкахъ и магазинахъ, и знакомые служащихъ. Магазины и банки оставили на этотъ день торговые обороты, открывъ на минутку двери лишь для пріема гостей, которымъ предоставлены были окна. Въ нѣсколькихъ окнахъ думы огонь горѣлъ всю ночь. Тамъ не переставали работать по приготовленію къ торжественной печальной встрѣчѣ. На улицахъ кипѣла неустанная работа. Группы поденщиковъ хлопотливо бѣгали вокругъ воздвигнутыхъ колонъ, обелисковъ, пирамидъ. На высокіе громадные шесты поднимались колосальныя хоругви.

Сотни дворниковъ усѣяли Невскій проспектъ, который уже не первый десятокъ разъ выметался на сухо и на чисто. Казалось, на улицѣ не хотѣли оставить ни одной соринки. Безшумно катились по невскому вереницы телѣгъ и тихо сбрасывали на мостовую песокъ.

Начало свѣтать. Лишь только раннее утро робко стало озарять дневнымъ свѣтомъ столицу, поднялся буквально весь Петербургъ и устремился къ центральнымъ улицамъ, по которымъ должна была идти процессія. Приливъ народа сталъ увеличиваться, и возрастая съ каждой минутой, достигъ грандіозныхъ размѣровъ.

— **Утромъ—передъ прибытіемъ траурнаго поѣзда.** Никогда еще улицы Петербурга не были такъ запружены несмѣтною толпою, какъ 1-го ноября Уже съ 6 час. утра, когда было еще совершенно темно, когда горѣли еще, зажженные съ вечера, наканунѣ, уличные фонари, нескончаемыми рядами тянулись со всѣхъ концовъ столицы съ

самыхъ дальнихъ ея закоулковъ, люди всякихъ званій, сословій и возрастовъ. Все это спѣшило къ Невскому проспекту, къ Сенатской площади, къ Англійской набережной, къ Николаевскому мосту,—во всѣ концы, гдѣ-бы можно было только приткнуться, чтобы хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть на торжественно-печальное шествіе. Больше всего стремились, конечно, въ сторону Николаевскаго вокзала, откуда прежде всего должно было показаться это грандіозное, по размѣрамъ, и глубоко-печальное шествіе...

Ничего подобнаго на петербургскихъ улицахъ никогда не совершалось. Кажется, одни только грудные младенцы да дряхлые старики остались дома, остальное, все что было на ногахъ и владѣло ими, высыпало на улицу. Всѣ окна задрапированныхъ въ трауръ домовъ, по пути слѣдованія печальнаго шествія, заняты были публикою, наиболѣе зажиточною. Кто могъ забраться заранѣе на троттуаръ, позади линіи войскъ, стоялъ уже тутъ, какъ пригвожденный, и ни за что не уступалъ никому своего мѣста. Къ 8 часамъ утра всѣ троттуары, на которые допускалась публика, были уже переполнены толпою.

Въ боковыхъ улицахъ, примыкающихъ къ Невскому проспекту, къ Николаевскому мосту и другимъ пунктамъ, по пути слѣдованія процессіи, толпа уже стояла не только на тротуарахъ и мостовой, но и на скамьяхъ, на табуретахъ, на раздвижныхъ лѣстницахъ, на зонтахъ подъѣздовъ и даже карабкалась на фонарные и телеграфные столбы. Многія дамы взбирались на крыши каретъ, на козлы колясокъ и извощичьихъ дрожекъ. Взоры всѣхъ обращены были по направленію къ Николаевскому вокзалу...

— **На Николаевскомъ вокзалѣ.** Шестой часъ утра... Еще совершенно темно, тѣмъ не менѣе на Знаменской площади замѣтны кучки народа, которыя постепенно увеличиваются и ростутъ. Николаевскій вокзалъ, хотя закрытъ для посторонней публики, но освѣщенъ и въ немъ еще не переставала жизнь со вчерашняго дня. Тамъ идутъ спѣшныя, дѣятельныя приготовленія къ пріему траурнаго Императорскаго поѣзда.

Платформа прибытія поѣздовъ положительно утопаетъ въ трауръ. По ней разостлано черное сукно, а вдоль стеклянной галлереи установлены тропическія растенія; дворъ прибытія совершенно преобразился, въ нѣсколько часовъ здѣсь выросъ цѣлый лѣсъ елокъ. Царскій и другіе подъѣзды, а равно и арка воротъ, какъ со двора, такъ и съ площади декоративно убраны чернымъ сукномъ. Наружная сторона зданія Николаевскаго вокзала вся утопаетъ въ массѣ траурныхъ флаговъ, особенно выдѣляются колоссальной высоты колонны, обитыя чернымъ сукномъ. Ворота прибытія и отбытія поѣздовъ по сторонамъ вокзала довершаютъ величественную картину его убранства.

Въ седьмомъ часу утра двери вокзала открылись, но входъ въ него доступенъ исключительно лицамъ, имѣющимъ билеты, выданные желѣзнодорожною полиціею. Къ подъѣзду вокзала въ экипажахъ стали подъѣзжать лица, участвующія по церемоніалу въ печальной торжественной процессіи. Не прошло и полчаса времени, какъ залы перваго и втораго класса были переполнены высшими чинами военной іерархіи, высшими гражданскими чинами. Всѣ они были направлены въ Императорскія комнаты, находящіяся на платформѣ со стороны отхода поѣздовъ, гдѣ имъ должны были быть вручены золотыя подушки съ орденами въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III. Къ этой платформѣ ожидалось прибытіе экстреннаго поѣзда съ Императорскими регаліями и съ этимъ-же поѣздомъ, прибывшимъ ровно въ восемъ часовъ, прибылъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново и много другихъ высокопоставленныхъ лицъ.

Тѣмъ временемъ на Знаменскую площадь и дворъ прибытія Николаевскаго вокзала стали стягиваться войска, располагаясь шпалерами, какъ по самой площади, такъ и вдоль Невскаго проспекта.

Не вотъ на Знаменской площ., направляясь къ воротамъ вокзала, медленно двигалась печальная колесница, съ золотымъ роскошнымъ балдахиномъ, на верху котораго красовалась Императорская корона. Печальная колесница была обита золотою кованою парчею и государственными малыми и большими гербами; тяжелые, также золотые, шнуры съ густыми кистями украшали колесницу съ четырехъ угловъ у колоннъ балдахина. Печальная колесница запряжена была въ восемъ лошадей, покрытыхъ черными попонами съ государственными гербами по бокамъ; головы лошадей были украшены султанами изъ перьевъ.

Въ церкви Знаменія собрано въ 9 ч. утра все столичное бѣлое и черное духовенство, распоряженіемъ Высокопреосвященнаго митрополита Палладія, назначенное къ участію въ печальной процессіи. Сюда же собралось военное и придворное духовенство, архимандриты, протопресвитеры и всѣ пребывающіе въ С.-Петербургѣ православные іерархи: финляндскій Архіепископъ Антоній, членъ Святѣйшаго Синода епископъ Германъ, костромской епископъ Виссаріонъ и викаріи с.-петербургской епархіи Никандръ и Назарій. Все духовенство — въ свѣтлыхъ серебряныхъ облаченіяхъ, со свѣчами въ рукахъ, въ предпесеніи хоругвей и запрестольныхъ крестовъ въ то же время входило во дворъ вокзала.

Одновременно на вокзалъ стали съѣзжаться гофмейстерины, статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины Ея Величества, гофмейстерины и фрейлины Великихъ Княгинь, члены государственнаго совѣта, министры, сенаторы, первые и вторые чины Двора, статсъ-секретари, почетные опекуны и придворные кавалеры. На дворѣ вокзала былъ выстроенъ почетный караулъ отъ гвардейскаго экипажа со знаменемъ и хоромъ музыки на лѣвомъ флангѣ и отъ роты дворцовыхъ гренадеръ съ золотымъ знаменемъ, двухъ старикахъ барабанщикахъ и двухъ малолѣтнихъ флейтистахъ.

Въ десятомъ часу утра на вокзалъ стали съѣзжаться Особы Императорской фамиліи и иностранные принцы. Вскорѣ уже на вокзалѣ находились Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Владиміръ Александровичъ съ Августѣйшей супругою Великою Княгинею Маріею Павловною и дѣтьми Великими Князьями Кириломъ Владиміровичемъ, Борисомъ Владиміровичемъ и Андреемъ Владиміровичемъ и Великой Княжною Еленою Владиміровною, Сергій Александровичъ, Павелъ Александровичъ, Константинъ Константиновичъ съ Августѣйшей супругою Великою Княгинею Елисаветою Маврикіевною, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ, Николай Михаиловичъ, Князья Романовскіе Герцоги Лейхтенбергскіе Евгеній Максимиліановичъ и Георгій Максимиліановичъ съ Августѣйшей супругою Княгинею Анастасіею Николаев-

ною, Принцы Ольденбургскіе Александръ Петровичъ съ Августѣйшею супругою Принцессою Евгеніею Максимиліановною, Константинъ Петровичъ и Петръ Александровичъ, Герцоги Мекленбургъ-Шверинскіе Георгій Георгіевичъ и Михаилъ Георгіевичъ. Сюда же прибылъ Наслѣдный Великій Герцогъ Ольденбургскій Фердинандъ, Великая Княгиня Марія Александровна,—Великая Герцогиня Саксенъ Кобургъ-Готская, Герцогъ Баденскій Вильгельмъ съ супругою Герцогинею Маріею Максимиліановною, Великая Княгиня Вѣра Константиновна Герцогиня Вюртембергская.

Приближался часъ прибытія печальнаго поѣзда. Печальное шествіе ранѣе тронулось вдоль Невскаго проспекта, для занятія своихъ мѣстъ по церемоніалу. Шествіе это было открыто церемоніймейстеромъ Высочайшаго Двора, верхомъ, съ шарфомъ черезъ плечо изъ черпаго и бѣлаго крепа.

— **У Николаевскаго вокзала.** Лиговская улица, по обѣимъ сторонамъ Невскаго была заполонена несмѣтнымъ количествомъ народа. На Лиговскомъ бульварѣ, на далекое разстояніе народъ размѣстился не только на скамейкахъ, табуретахъ, принесенныхъ съ собою, но многіе ухитрились взобраться на жиденькія деревья бульвара. Отъ Знаменской улицы, по обѣимъ сторонамъ Невскаго народъ стоялъ плотной стѣною. Не было окна даже въ самыхъ верхнихъ этажахъ домовъ, гдѣ-бы не было нѣсколькихъ головъ, народъ стоялъ въ подъѣздахъ парадныхъ лѣстницъ, въ воротахъ, а въ боковыхъ улицахъ даже на подъѣздахъ домовъ. Всѣ были положительно въ возбужденномъ состояніи.

— **Прибытіе траурнаго поѣзда.** Стрѣлка часовъ на Николаевскомъ вокзалѣ приближалась къ 10, когда на колокольнѣ Знаменской церкви заунывный звонъ колокола возвѣстилъ о томъ, что траурный поѣздъ, который везетъ къ намъ драгоцѣнные останки любимаго Монарха, пришелъ въ Петербургъ.

Ровно въ 10 часовъ утра прибылъ печальный поѣздъ съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Монарха. Всѣ собравшіяся на вокзалѣ Особы Императорской Фамиліи съ высокопоставленными лицами направились къ салонъ-вагону, въ которомъ находились Государь Императоръ, вдовствующая Императрица, Королева Эллиновъ, Высоконареченная Невѣста Государя Великая Княжна Александра Θеодоровна, Великіе Князья Михаилъ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ, Александръ Михаиловичъ съ Августѣйшею Супругою Великою Княгинею Ксеніею Александровною, Великая Княгиня Елисавета Θеодоровна и Великая Княжна Ольга Александровна.

При подходѣ поѣзда къ дебаркадеру барабаны забили походъ, а затѣмъ музыка заиграла „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“. По выходѣ изъ салонъ-вагона Государя Императора, вдовствующей Императрицы и другихъ Особъ Императорской Фамиліи, направившихся къ траурному вагону, митрополитъ Палладій, войдя въ вагонъ, вмѣстѣ съ собравшимся духовенствомъ совершилъ литію, по окончаніи которой гробъ былъ вынесенъ Государемъ Императоромъ, Великими Князьями и лицами свиты и установленъ на печальную колесницу.

Когда дворцовые гренадеры, принявъ отъ Государя Императора и Особъ Императорской Фамиліи гробъ съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Монарха, установили и прикрѣпили его къ катафалку, у штанговъ встали четыре генералъ-адъютанта, а по сторонамъ, держа кисти, шли 8 членовъ Государевой свиты.

За гробомъ шествовали Государь Императоръ въ мундирѣ полковника л.-гв. Преображенскаго полка, рядомъ съ Принцемъ Валійскимъ, Наслѣдникомъ Великобританскаго престола. За Государемъ Императоромъ шли Наслѣдный Великій Герцогъ Фердинандъ Ольденбургскій, Принцъ Вильгельмъ Баденскій, всѣ Великіе Князья и Особы Императорской фамиліи. Далѣе шли г. министръ Императорскаго Двора и удѣловъ графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, военный генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій, командующій Императорскою главною квартирою, генералъ-адъютантъ О. Б. Рихтеръ, дежурный при Государѣ Императорѣ генералъ, генералъ-адъютантъ П. А. Черевинъ и дежурные; генералъ-адъютантъ, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ, флигель-адъютантъ. Далѣе шли члены Государевой Свиты, Свиты Великихъ Князей и иностранныхъ принцевъ. Среди послѣднихъ выдѣлялись генералы: германской службы фонъ-Вернеръ и англійской службы Эллисъ.

Въ траурной каретѣ въ 8 лошадей цугомъ ѣхала вдовствующая Государыня Императрица, Высоконареченная Невѣста Великая Княжна Александровна Θеодоровна, Великая Княгиня Ксенія Александровна и Великая Княжна Ольга Александровна. По сторонамъ кареты ѣхали верхами оберъ-шталмейстеръ графъ Орловъ-Давыдовъ и шталмейстеръ баронъ Фредериксъ—помощникъ министра Императорскаго Двора. Въ слѣдующихъ экипажахъ ѣхали Королева Эллиновъ, Принцесса Велійская, Великая Герцогиня Саксенъ Кобургъ-Готская, Принцесса Марія Баденская, Герцогиня Вѣра Константиновна Вюртембергская, Великія Княгини Марія Павловна, Елисавета Θеодоровна, Елизавета Маврикіевна, Великая Княжна Елена Владиміровна, Принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская и Княжна Анастасія Николаевна Романовская, Герцогиня Лейхтенбергская.

Вся стотысячная толпа, близь вокзала, замерла въ нѣмомъ ожиданіи грядущаго. Всѣ, какъ одинъ, перекрестились.

Среди чуть-ли не гробовой тишины, среди утопавшаго совершенно въ траурѣ Невскаго проспекта, медленно двигалось торжественное печальное шествіе; далеко неслось мелодичное стройное пѣніе пѣвчихъ и изрѣдка доносились звуки хоровъ военной музыки, исполнявшихъ молитву „Коль Славенъ“, а равно начался заупокойный мѣрный колокольный перезвонъ, начавшійся со Знаменской церкви.

Какъ одинъ человѣкъ; всѣ обнажили головы свои; унылый звонъ колоколовъ повторился, отвѣтнымъ эхомъ послужилъ ему отдаленный гулъ густыхъ колоколовъ сосѣднихъ церквей, и дѣленія печальнаго шествія тронулись съ мѣста. Вотъ прошелъ, печально поникнувъ головами, собственный Его Величества Конвой, прошли трубачи л.-гв. коннаго полка, трубы которыхъ повязаны траурнымъ крепомъ, продефилировали, подъ звуки бетховенскаго марша funèbre преображенцы, семеновцы, измайловцы и егеря. Началось шествіе знаменъ, пошли латники въ блестящихъ золотыхъ латахъ. Все это проходитъ незамѣченнымъ толпою. Взоры всѣхъ обращены на Николаевскій вокзалъ, откуда должна ежеминутно показаться печальная колесница. Томительно долго идутъ минуты ожиданія. Но вотъ, наконецъ, показалась вдали и колесница. Далеко, далеко виденъ былъ величаво колыхающійся верхъ этой колесницы, увѣнчанный золотою Царскою короною. Роскошный балдахинъ колесницы, покрытый желтымъ атласомъ, все ярче и ярче обрисовы-

вается на сѣромъ фонѣ ранняго осенняго утра. Все ближе и ближе подвигается колесница, все громче и громче становится печальное пѣніе александроневскаго и исаакіевскаго хоровъ пѣвчихъ, и, по мѣрѣ приближенія колесницы, все сильнѣе и явственнѣе слышатся всхлипываніе, плачъ и даже рыданія толпы. Крестное знаменіе, которымъ осѣняетъ себя вся эта стотысячная масса, сопровождается горячими слезами и неподдѣльнымъ горемъ, которое испытывалъ въ это время каждый русскій человѣкъ, потерявшій своего дорогаго Царя-Миротворца. Это была поистинѣ величественная, не поддающаяся никакому описанію, картина.

— Литіи у церкви Знаменія и Аничкова Дворца. Въ особенности трогателенъ былъ тотъ моментъ, когда во время краткой литіи, отслуженной у Знаменской церкви, вся стоявшая на тротуарахъ и на Знаменской площади толпа, несмотря на слякоть и холодъ, пала на колѣна и горячо молилась о ниспосланіи вѣчнаго, блаженнаго упокоенія великой Душѣ въ Бозѣ почившаго миролюбиваго Монарха.

Но особенно сильное и особенно грустное впечатлѣніе произвела и на участвующихъ въ процессіи, и на стоявшія на противоположномъ тротуарѣ народныя массы, и на солдатъ, стоявшихъ здѣсь шпалерами, литія передъ Аничковымъ дворцомъ, въ которомъ обыкновенно жилъ почившій Государь. Близость этого дворца, въ которомъ покойный Императоръ пребывалъ еще такъ недавно, полный силъ и здоровья, и передъ которымъ теперь находились Его бренные останки, Его безжизненное тѣло, вызывала воспоминанія, горечь которыхъ была такъ сильна, что даже у крѣпкихъ нервами людей струились горячія слезы. Когда возгласили «вѣчную память», многіе упали на колѣни, не обращая вниманія на грязь, и отдали земной поклонъ драгоцѣнному праху почившаго Императора.

Печальное шествіе проходило мимо памятника Екатерины второй, въ этотъ моментъ особенно художественно выглядѣло зданіе Александринскаго театра. Зданіе театра положительно утопало въ траурѣ. На верху красовался Государственный гербъ, обернутый въ крепъ; внизу герба, въ вѣнкѣ, помѣщалась лира, склоненная нѣсколько на бокъ, зданіе украшалось массою перекрещенныхъ флаговъ; на крышѣ, по угламъ, было установлено нѣсколько урнъ, съ горящею въ нихъ смолою, урны эти были установлены въ два этажа. Высящіяся противъ памятника Екатерины II, на Невскомъ проспектѣ, пирамидальныя колонны, окрашенныя въ черный цвѣтъ, перевитыя гирляндами изъ ельника и бѣлой матеріи, довершали художественность картины.

По мѣрѣ приближенія печальнаго шествія въ костелу св. Екатерины, на паперть его вышло чуть-ли не все петербургское католическое духовенство, облаченное въ бѣлыя парадныя одежды, во главѣ съ своимъ митрополитомъ о. Козловскимъ. Митрополитъ Козловскій облаченъ былъ въ красную мантію, съ митрою на головѣ. Во время прохода печальнаго шествія мимо костела, католическое духовенство, со святынями въ рукахъ, пѣло молитвы. Траурное убранство костела было крайне просто, но изящно.

Пройдя костелъ св. Екатерины, печальная колесница съ прахомъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III направилась къ Казанскому собору, противъ котораго огромнымъ треугольникомъ построились студенты институтовъ путей сообщенія Императора Александра I-го и института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I-го, лицемъ къ собору. Тотчасъ же, за придворнымъ духовенствомъ, слѣдовала печальная колесница, и остановилась у паперти.

У Казанскаго собора печальное шествіе остановилось, митрополитъ Палладій съ духовенствомъ встрѣтилъ на паперти тѣло и отслужилъ краткую литію, затѣмъ Государь Императоръ со всѣми Великими Князьями взошелъ въ соборъ, приложился къ чудотворной иконѣ Казанскія Божіей Матери. Митрополитъ въ соборѣ привѣтствовалъ Государя Императора слѣдующею, глубокою по содержанію, рѣчью:

„Благословенъ грядый во имя Господне! — Благословенно буди, Благочестивѣйшій Государь, шествіе Твое и вхожденіе въ сей священный и исторически-знаменательный храмъ Пресвятой Богоматери. Пришествіе Твое въ храмъ сей нынѣ особенно знаменательно. Съ горячей молитвой въ сердцѣ и устахъ притекаешь Ты къ пречистому чудотворному образу Всемощной Небесной Предстательницы и Заступницы усердныя рода христіанскаго, чтобы излить здѣсь душу Свою и испросить свыше помощь и силы въ начало царственныхъ путей Своихъ,—къ прохожденію Всевышнимъ Царемъ Царей возложеннаго на Тебя великаго служенія.

Вѣрноподданный народъ Твой, въ настоящіе дни глубокой скорби и печали по неожиданной кончинѣ великой и славной памяти Родителя Твоего, взираетъ на Тебя, какъ на свѣтлую надежду свою, и всею душою съ искренними благожеланіями сливается съ Тобою въ молитвѣ Твоей. Такая молитва, несомнѣнно. будетъ богоугодною жертвою и благодатнымъ источникомъ исполненія всѣхъ желаній Сердца Твоего.

Пренебесное благословеніе благостынное, по молитвенному предстательству Богоматери, да почіетъ надъ Богоданнымъ Благочестивѣйшимъ Царемъ нашимъ, Царствующимъ Домомъ и всею державою Россійской. И Августѣйшее имя Императора Николая II да будетъ благословенно и прославлено въ лѣтописяхъ народныхъ въ роды родовъ“.

Затѣмъ митрополитъ благословилъ Государя иконой Казанскія Божіей Матери. Государь, приложившись къ иконѣ и святому кресту, предшествуемый митрополитомъ, вышелъ изъ собора. Митрополитъ окропилъ гробъ святой водой и шествіе тронулось. Митрополитъ съ крестомъ, стоя на паперти собора благословлялъ проѣзжавшія мимо него кареты, въ коихъ изволили слѣдовать Государыня Императрица, Высоконареченная Невѣста Его Величества, Великая Княжна Александровна Ѳеодоровна и др. Великія Княгини.

— Невскій проспектъ. Насупротивъ Гостиннаго двора, масса народная производила впечатлѣніе сильнѣе, трогательнѣе и глубже, чѣмъ на аристократической набережной у Николаевскаго моста, ибо на Невскомъ сплошной массой стоялъ народъ, а здѣсь его не было, между тѣмъ какъ все дѣло въ немъ, въ этой живой рамѣ головъ и живомъ резонаторѣ впечатлѣній. Онъ безмолствовалъ на Невскомъ какъ и вездѣ, но онъ присутствовалъ, онъ жилъ, мыслилъ, чувствовалъ, и отъ него, какъ отъ колоссальной динамической машины, исходила великая психическая сила. Прекрасенъ былъ Невскій проспектъ въ этомъ мѣстѣ. Верхняя галлерея Гостиннаго двора была превращена въ ложи для публики. Головы

чернѣли, какъ макъ. По обѣимъ сторонамъ густыя шпалеры народа, тихаго, сосредоточеннаго, созерцательно молчаливаго. Широкій путь, оставленный для процессіи, охранялся живою изгородью гвардейской кавалеріи, а что это за чудное войско! Мы, люди сѣвера, мало цѣнимъ живописную красоту и пышность нашей гвардейской кавалеріи.

Несмотря на печальную торжественность минуты, глаза невольно разбѣгаются при видѣ волшебнаго зрѣлища. О пышности нашего Двора и нашихъ церемоній можно судить, только побывавъ въ чужихъ краяхъ и сравнивъ простоту и скромность иностраннаго обихода съ нашей богатой, щедрой и широкою Русью. Какое богатство и разнообразіе формъ! Сколько блеска, золота, величественности! А кругомъ все трауръ, и на этомъ печальномъ фонѣ, чѣмъ больше золота и блеска, тѣмъ значительнѣе звучитъ смыслъ горестной церемоніи. Давки нѣтъ никакой. Нѣтъ надобности поддерживать порядокъ. Онъ держится самъ собою, потому что вся эта толпа дисциплинирована однимъ чувствомъ. Она пришла на поклонъ порядку, и умѣетъ его поддерживать въ этотъ великій моментъ. Стоятъ рядомъ въ толпѣ, взбираются на скамейки, стулья, табуреты, лѣстницы. На Невскомъ этого сравнительно меньше. Но близь Сенатской площади высятся двойныя лѣстницы, какія употребляютъ обойщики, разставленныя циркулемъ, и на всѣхъ ступенькахъ народъ. По проѣзжая мимо Николаевскаго дворца, уже послѣ того, какъ главный кортежъ свернулъ на мостъ, видно множество людей на рѣшеткахъ. Какъ они взобрались туда и какъ держались—отвѣтить мудрено. Трогательная подробность. Многіе изъ простонародья явились съ траурнымъ самодѣльнымъ бантомъ, старательно прикрѣпленнымъ къ рукаву. Богъ знаетъ, кто, гдѣ и изъ чего смастерилъ. Въ нихъ было, во всякомъ случаѣ, болѣе чистаго чувства, чѣмъ чистаго крепа... Разумѣется, всѣ окна были переполнены. Съ улицы можно было видѣть, какъ изрѣдка поднималась чья-либо торопливая рука и вытирала полотенцемъ или платкомъ запотѣвшее стекло. Подъѣзды были набиты биткомъ. Стояли на уровнѣ втораго этажа, съ площадки котораго была видна только стѣна, и больше ничего, но стояли упорно и съ величайшею стойкостью.

Городская дума, видимо, не пожалѣла средствъ. Колонны и урны, сдѣланныя второпяхъ, тѣмъ не менѣе, производили сильное впечатлѣніе. Еще наканунѣ вечеромъ можно было видѣть досчатые срубы, наскоро устанавливавшіеся на улицахъ. Теперь это были мрачные обелиски, уже успѣвшіе обвѣтриться и смотрѣвшіе на процессію печальными глазами. Еще большее впечатлѣніе производили длинныя мачты со щитками и черными хоругвями, прикрѣпленными нижнимъ концомъ къ стволу изящнымъ бантомъ. Отъ вѣтра онѣ надувались, какъ легкій парусъ...

— У Полицейскаго моста. За Полицейскимъ мостомъ тамъ, гдѣ Невскій проспектъ съуживается почти на половину, траурные флаги рѣяли высоко въ воздухѣ, спускаясь съ канатовъ, протянутыхъ между крышами домовъ на противоположныхъ сторонахъ улицы. Здѣсь начиналась печальная процессія—стояло первое ея отдѣленіе съ церемоніймейстеромъ во главѣ. Процессію открывалъ собственный Его Величества конвой; красные бешметы бравыхъ молодцовъ, съ очевиднымъ усиліемъ сдерживавшихъ своихъ чудныхъ, породистыхъ коней, рѣзко выдѣлялись на черномъ фонѣ улицы. Эти бешметы производили странное, въ высшей степени сильное впечатлѣніе: казалось что каждый изъ нихъ капля свѣжей, еще не успѣвшей высохнуть крови—той крови, которую всякій русскій человѣкъ съ радостью отдалъ-бы какъ искупительную жертву Небу, за жизнь Своего Драгоцѣннаго Монарха-Миролюбца, за то, чтобы видѣть Его не въ гробу на печальной колесницѣ, а живымъ, бодрымъ и радостнымъ среди Его Царственной Семьи, во главѣ вѣрноподданнаго Ему народа... Конвой былъ на своемъ мѣстѣ съ девяти часовъ утра. Ровно въ половинѣ одинадцатаго церемоніймейстеръ сдѣлалъ знакъ рукой, раздалась команда и подковы лошадей мягко застучали о торцовую мостовую.

За конвоемъ шли трубачи и литавристы лейбъ-гвардіи коннаго полка, эскадронъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества полка и роты Его Величества полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго и Егерскаго. Медленно двигалась кавалерія и пѣхота, провожая своего Державнаго Шефа на мѣсто вѣчнаго упокоенія. Тускло блестѣли кирассы конногвардейцевъ, плохо развѣвались въ воздухѣ долманы гусаръ и на лицахъ всѣхъ этихъ людей, отъ высшихъ офицерскихъ чиновъ, до послѣдняго рядоваго, ясно читалось глубокое горе.

Это горе войска, потерявшаго своего Шефа, точно воплощалось мрачными, темными фигурами, слѣдовавшими непосредственно за ротой Егерскаго полка: въ длинныхъ черныхъ ливреяхъ и черныхъ трехугольныхъ шляпахъ шли сорокъ придворныхъ лакеевъ, четыре придворныхъ скорохода и восемь придворныхъ оффиціантовъ... За оффиціантами—гофъ-фурьеры и камеръ-фурьеры... За камеръ-фурьерами пажи...

Вдали показывается длинный рядъ знаменъ... Цѣлый лѣсъ древковъ колышется въ воздухѣ... Ближе... ближе и вотъ, блистая яркой, золотистой тканью, появляется первое знамя—родоваго герба Его Императорскаго Величества... За нимъ несутъ знамя съ Императорскимъ гербомъ: красная ткань и красная бахрома... Два первыхъ знамени проходятъ... Граціозно выступая тонкими, точно выточенными изъ кости ногами, появляется Собственная Его Величества лошадь... Благородное животное покрыто длинною, черной попоной, богато вышитой золотомъ на мѣстѣ чепрака... Лошадь идетъ понуря голову, точно инстинктивно понимая, что никогда уже болѣе не понесетъ на себѣ Державнаго Сѣдока.

Знамена, знамена, знамена... Ихъ сорокъ пять... За каждымъ знаменемъ слѣдуетъ лошадь въ траурной попонѣ и конюхъ... Вотъ проходитъ Императорскій судовой штандартъ, вотъ огромное знамя изъ черной тафты, вотъ такое-же знамя бѣлое. Процессія нѣсколько прерывается... Пока ничего не видно, кромѣ чего-то большаго свѣтящагося... Это—латникъ... На лошади съ богато вышитымъ золотомъ чепракомъ сидитъ человѣческая фигура, съ ногъ до головы закованная въ золоченыя латы... Въ рукахъ у латника обнаженный мечъ... За первымъ латникомъ слѣдуетъ второй... Этотъ латникъ пѣшій и въ черныхъ латахъ... Забрало его шлема спущено, мечъ обнаженъ и также опущенъ внизъ. Одна фигура очевидно оплакиваетъ смерть Монарха, другая привѣтствуетъ воцареніе его Наслѣдника... Гербы и депутаціи... Гербовъ десять, депутацій огромное количество... Здѣсь и мѣщане и крестьяне и купцы... За ними—городская дума, земскія учрежденія, дворяне, судебныя уч-

режденія, благотворительныя общества, ученыя, профессіональныя... Затѣмъ начинаются министерства, кромѣ чиновниковъ подвѣдомственныхъ ему департаментовъ, идутъ также учебныя заведенія въ вѣдѣнія его состоящія. Раздаются звуки; проходитъ министерство Императорскаго Двора. Вотъ морское министерство, вотъ военное, вотъ правительствующій сенатъ. Показываются высшіе государственное сановники: оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, почетные опекуны, министры, статсъ-секретарь великаго княжества финляндскаго. Предшествуемые государственными секретарями, по два въ рядъ проходятъ министры. За министрами идутъ члены государственнаго совѣта. Всѣ сановники въ глубокомъ траурѣ; трехъ-уголки съ бѣлымъ плюмажемъ обвиты чернымъ крепомъ, крепъ на рукавахъ пальто, крепъ на шитыхъ золотомъ воротникахъ мундировъ... Показываются предвѣстники приближенія печальной колесницы — медали и ордена въ Бозѣ почившаго Государя... Ихъ шестьдесятъ девять... Каждый орденъ положенъ на богатую золотую глазетовую подушку... Каждую подушку несетъ назначенный для сего военный или морской чинъ съ двумя ассистентами... Длинная вереница орденовъ заканчивается Государственными регаліями... Всѣ онѣ блещутъ массою бриліантовъ и драгоцѣнныхъ камней... Здѣсь можно разглядѣть необыкновенной величины сапфиръ, рубинъ, изумруды, жемчуга... Чудными камнями изобилуютъ одинаково и различныя короны и Государственная держава и Государственный скипертъ...

По мѣрѣ того, какъ проходятъ лица, несущія ордена, все громче и громче раздается стройное церковное пѣніе... Войска, стоящія по обѣимъ сторонамъ Невскаго проспекта, берутъ „на караулъ“... Показываются темно-голубые кафтаны пѣвчихъ... Всѣ обнажаютъ головы... Десятки тысячъ рукъ творятъ крестное знаменіе, десятки тысячъ молитвъ возносятся къ Небу... За пѣвчими слѣдуетъ духовенство... Оно въ свѣтлыхъ ризахъ. Сначала идутъ придворные протодіаконы, затѣмъ священники въ скуфьяхъ, далѣе священники въ камилавкахъ и, наконецъ, высшее духовенство въ митрахъ... Послѣднимъ идетъ протопресвитеръ Янышевъ съ иконою въ рукахъ... Духовенства около трехсотъ человѣкъ... Печальная колесница... Она вся залита золотой парчей... Величественный, украшенный страусовыми перьями балдахинъ осѣняетъ собою ложе почившаго Монарха... Золотой глазетовый гробъ стоитъ высоко, такъ высоко, что его можетъ видѣть каждый человѣкъ,—каждый, кому только позволяютъ это затемняющія глаза слезы... На ступеняхъ колесницы, у штанговъ и около богатыхъ золотыхъ кистей стоятъ назначенные по церемоніалу генералы въ глубокомъ траурѣ... Кисти тяжелыя поддерживаютъ свиты Его Величества генералъ-маіоры. Колесницу везутъ восемь траурныхъ лошадей... По обѣ стороны ея идутъ шестьдесятъ пажей съ горящими свѣчами въ рукахъ. Трепетнымъ, мерцающимъ свѣтомъ горятъ эти надгробныя свѣчи... Вмѣстѣ съ дымомъ надгробныхъ свѣчъ и кадилъ стремятся къ престолу Всевышняго и молитвы всѣхъ русскихъ людей... Низко опускаются передъ печальной колесницей сотни тысячъ головъ, руки творятъ крестное знаменіе, а уста единодушно шепчутъ: „Со святыми упокой... Вѣчная память“. За колесницей слѣдуютъ пѣшкомъ и въ каретахъ Высочайшія особы и назначенные по церемоніалу придворныя дамы и кавалеры.

Конецъ процессіи — войско и народъ. Только какой народъ... Это не безпредѣльная, стремящаяся впередъ, давящая другъ друга масса—нѣтъ, это огромная толпа, объединенная общимъ глубокимъ горемъ, приличная и сдержанная, сознающая величіе переживаемой ею минуты и подавленная этимъ величіемъ.

— **На Васильевскомъ острову**. Петербургъ весь окутанъ дымкой тумана, точно траурнымъ флеромъ. Среди тумана неясными очертаніями выдѣляются грандіозныя зданія Васильевскаго острова. Вотъ Николаевскій мостъ-гигантъ. Онъ украшенъ гирляндами зелени, траурными флагами и задрапированъ траурной матеріей. Несмотря на утро, на немъ фонари горятъ. Зданія Императорской академіи наукъ, Императорскаго университета, биржи и другія убраны въ траурѣ. Въ громадной нишѣ надъ входомъ въ академію красуется лира съ Царской короной наверху. Общая картина траура производитъ удручающее впечатлѣніе. Ровно въ 9 часовъ утра послышались три первые выстрѣла съ бастіоновъ Петропавловской крѣпости. Давно начавшееся движеніе на Васильевскомъ островѣ усилилось. Войска спѣшили заняли свои мѣста, выстроившись шпалерами. У зданія университета фронтомъ вытянулись студенты, напротивъ ихъ воспитанники столичныхъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній. Противъ Румянцевскаго сквера заняли мѣста студенты лѣснаго института. Каждая улица, выходящая на набережную, была заполнена народомъ. Съ каждымъ послѣдующимъ выстрѣломъ съ крѣпостныхъ валовъ народъ прибывалъ все больше и больше. Особенное скопленіе было у Николаевскаго моста. Многіе ожидали здѣсь печальнаго шествія съ пяти часовъ утра. Въ исходѣ 11-го часа показался конвой Его Величества съ церемоніймейстеромъ впереди. — Господи, спаси Царя!—проговорили многіе въ толпѣ, набожно крестясь. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали печальную колесницу съ тѣломъ Государя Императора Александра III. При видѣ колесницы съ прахомъ обожаемаго Монарха-Миротворца многіе изъ народа зарыдали. Шествіе кончилось, а народъ долго не расходился. Стояли съ поникшими головами, пораженные видомъ печальной церемоніи и грустя сердцемъ о тяжелой потерѣ.

— **На Петербургской сторонѣ**. Отъ Васильевскаго острова печальное шествіе направилось черезъ Биржевой мостъ на Петербургскую сторону. Биржевой мостъ точно такъ-же, какъ и Николаевскій, убранъ въ трауръ. Посрединѣ сооружена грандіозная траурная арка, убранная гирляндами ели. На мосту выстроены фронтомъ студенты военно-медицинской академіи. Начиная отъ самаго моста и во всю длину Кронверскаго проспекта растянулась многотысячная толпа народа. Эффектное зрѣлище представляло шествіе при слѣдованіи черезъ Александровскій паркъ. Богатое убранство принимающихъ участіе въ шествіи блестѣло между деревьями и производило особое впечатлѣніе. Весь путь по парку уставленъ траурными пирамидами. Убранные въ трауръ фонари, тянувшіеся въ два ряда, зажжены. Вся Петербургская сторона одѣта въ глубокій трауръ. Магазины въ Сытномъ рынкѣ обиты черной матеріей и увѣшены большими флагами съ изображеніемъ иниціаловъ Императора Александра Третьяго. Зданія по всѣмъ улицамъ прикрыты траурными флагами. До поздняго вечера народъ стоитъ громадными толпами около парка. Нѣкоторые, желая проникнуть въ Петропавловскій соборъ на поклоненіе праху почившаго Государя, ждали очереди всю даже ночь.

— Въ Петропавловскомъ соборѣ. Ровно въ 2 часа дня печальная колесница, пройдя 8-ми верстное растояніе, прибыла при колокольномъ перезвонѣ всѣхъ церквей и пушечной пальбѣ къ Петропавловскому собору. Къ этому времени въ соборѣ собрались въ полномъ составѣ иностранный дипломатическій корпусъ, нѣкоторые члены государственнаго совѣта, незанятые въ кортежѣ, придворныя дамы и генералитетъ. Кавалеры были въ парадной формѣ и глубокомъ траурѣ, а дамы въ черныхъ платьяхъ съ бѣлыми воротниками и рукавчиками, замѣняющими плерезы, на головахъ чепцы.

Посрединѣ собора на высотѣ 7 ступеней поставленъ катафалкъ, около котораго стоятъ серебряные и золотые подсвѣчники съ массою зажженыхъ восковыхъ свѣчей. Надъ катафалкомъ большая сѣнь изъ бѣлаго серебрянаго глазета, подбитаго гроностаевымъ мѣхомъ. Она увѣнчана большой Шапкою Мономаха, по краямъ которой идутъ въ перемежку щиты съ гербами и султаны изъ страусовыхъ перьевъ. Нижняя часть ниспадающихъ изъ подъ шапки портьеръ изъ глазета покрыта громадными, шитыми золотомъ инииціалами покойнаго Монарха, надъ ними Императорская корона. Въ четырехъ углахъ подъ Шапкою на портьерахъ помѣщены четыре щита съ Государственными гербами покрытыми крепомъ. По сторонамъ катафалка стоятъ обтянутые золотой парчею высокіе табуреты, предназначенные для орденовъ и Императорскихъ регалій. Стѣны собора покрыты чернымъ сукномъ, на которомъ помѣщены Россійскіе гербы.

По мѣрѣ приближенія процессіи къ собору, въ него вносились и устанавливались подъ балдахиномъ сначала знамена: два печальныхъ черныхъ и судовой штандартъ, затѣмъ были принесены въ соборъ ордена и знаки отличія. Предъ вносомъ въ соборъ Императорскихъ регалій, недалеко отъ входа, по обѣ стороны средняго прохода, встали герольды д. с. сов. Прибыльскій и Веселкинъ съ жезлами. Регаліямъ предшествовали два церемоніймейстера и оберъ церемоніймейстеръ князь А. С. Долгорукій. Послѣ этого митрополитъ съ собравшимся духовенствомъ вышелъ на встрѣчу тѣлу и ожидалъ Его прибытія. Вскорѣ въ предшествіи митрополита съ духовенствомъ гробъ съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Императора былъ внесенъ въ церковь Государемъ Императоромъ, Великими Князьями, Особами Императорской фамиліи и министромъ Императорскаго Двора графомъ И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ. За гробомъ шли Государыня Императрица съ Великою Княжною Александрою Ѳеодоровною. За ними шли Великія Княгини и Княжны. Ея Величество съ Ихъ Высочествами были въ черныхъ платьяхъ съ спущенными на лицо крепововыми вуалями и имѣли на себѣ знаки ордена св. Екатерины большаго креста. По установкѣ гроба на катафалкъ на его ступеняхъ стало дежурство назначенныхъ лицъ военной, придворной и гражданской іерархіи. Крышка съ гроба была снята и тѣло покрыто Императорскимъ покровомъ. Затѣмъ Государь Императоръ, Государыня Императрица съ особами Императорской фамиліи встали лѣвѣе балдахина. Митрополитъ Палладій въ сослуженіи духовенства совершилъ у гроба панихиду.

Послѣ панихиды, приложившись къ тѣлу, Высочайшія Особы, въ исходѣ 3-го часа, начали отбывать изъ собора; въ каретѣ Государыни Императрицы заняли мѣста: Государь Императоръ, Государыня Императрица, Принцесса Уэльская и Высоконареченная Невѣста Его Величества Великая Княжна Александра Ѳеодоровна, во второй каретѣ Великій Князь Алексѣй Александровичъ; въ третьей Великій Князь Сергѣй Александровичъ съ супругой Великой Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной; въ четвертой Великій Князь Михаилъ Александровичъ, Ольга Александровна и Принцъ Валлійскій; въ пятой Великая Княгиня Ксенія Александровна съ супругомъ Великимъ Княземъ Александромъ Михаиловичемъ; въ шестой Великая Княгиня Марія Александровна принцесса Саксенъ-Кобургъ-Готская и Великая Княгиня Марія Павловна; въ седьмой Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ герцогомъ Меклeнбургъ-Шверинскимъ и сыновьями; въ восьмой Ея Величество Королева Эллиновъ Ольга Константиновна съ Августѣйшею Матерью Великой Княгиней Александрой Іосифовной; въ девятой принцъ и принцесса Баденскіе; въ десятой Великій Князь Константинъ Константиновичъ съ супругою Великой Княгиней Елисаветой Маврикіевной; въ одинадцатой принцъ и принцесса Ольденбургскіе; остальные князья и принцы прослѣдовали въ открытыхъ экипажахъ. Народъ безмолвно отдавалъ поклонъ Государю.

По прошествіи процессіи Невскій проспектъ, принялъ небывало-людный видъ. Народъ шелъ толпами во всю ширину Невскаго проспекта.

Сильно трогательна любовь къ Царю, неизмѣримо дорога и умилительна память къ Нему! Тысячи народу бросились на мостовую, чтобы схватить на память хотя одну вѣтку ельника, по которому прошла колесница съ прахомъ въ Бозѣ почившаго Царя...

Мы были свидѣтелями такой сцены.

Въ строю на конѣ сидѣлъ старый служака фельдфебель, украшенный крестами и золотыми нашивками на рукавахъ. Онъ долго съ понятной завистью смотрѣлъ на счастливцевъ изъ публики, успѣвавшихъ завладѣть на память вѣткой ельника.

Долго крѣпился служака, но, наконецъ, не выдержалъ и обратился къ проходившему мужичку:

— Землякъ, а землякъ! будь добръ, достань и мнѣ на память вѣточку.

Слова стараго служаки-фельдфебеля услышали многіе прохожіе и сразу человѣкъ десять бросились исполнять его просьбу.

— Поминальный обѣдъ. По окончаніи печальнаго церемоніала перенесенія Тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Александровича отъ Николаевскаго вокзала въ Петропавловскій соборъ были устроены во всѣхъ казармахъ, а равно въ разныхъ столовыхъ, въ Лаврѣ и др. мѣстахъ поминальные обѣды.

Большими толпами народъ являлся помянуть за хлѣбомъ солью почившаго Монарха. Трогательную картину представляло это поминовеніе.

Каждый обѣдающій получилъ отличную порцію жирныхъ щей съ кускомъ говядины, хорошо пропеченный хлѣбъ, пирогъ сладкій, клюквенный кисель, кружку пива и бутылку меда. Пиво наливалось прямо изъ бочки въ бѣлыя жестяныя кружки, на которыхъ имѣлось изображеніе орла. Кружку эту, вмѣстѣ съ деревянною ложкою и бутылкою меда, объ-

дающій могъ брать съ собою. Въ то время, когда подали на столъ кисель, всѣ присутствовавшіе за обѣдомъ встали со своихъ мѣстъ и хоромъ пропѣли трижды „вѣчную память“. Всюду и вездѣ во время обѣда былъ порядокъ образцовый, не смотря на многотысячную массу собравшихся на поминальные обѣды лицъ.

Петропавловскій соборъ—Императорская Усыпальница.

Въ Петропавловскомъ соборѣ погребаются всѣ державныя лица Россійской Имперіи съ основанія Петербурга. Петропавловскій соборъ созданъ Петромъ Великимъ, камень основанія ему положенъ 30 мая 1714 года, въ день рожденія императора. До постройки каменнаго собора на этомъ мѣстѣ стоялъ деревянный. Постройка собора шла быстро подъ руководствомъ самого царя и надзоромъ архитектора Трезини. Черезъ восемь лѣтъ соборъ былъ оконченъ вчернѣ. Къ этому времени изъ Голландіи выписаны были для него часы съ курантами за 45 тысячъ рублей, сумма огромная по тому времени Шпицъ надъ храмомъ былъ поставленъ въ 1723 году. Устройство въ соборѣ иконостаса государь поручилъ зодчему Зарудневу, по чертежамъ котораго и окончили его московскіе художники Трифонъ Ивановъ и Иванъ Телѣга. Иконописью его занялись московскіе живописцы Андрей Меркульевъ съ товарищами. Въ то же время поручено было иностраннымъ художникамъ украсить живописью стѣны и своды храма. Внутренняя отдѣлка собора была окончена въ 1733 году, и 28 іюня, наканунѣ соборнаго праздника, храмъ былъ освященъ въ присутствіи императрицы Анны Іоанновны. Новый храмъ по величинѣ и великолѣпію былъ тогда первымъ въ столицѣ, особенно поражалъ всѣхъ шпицъ собора, вышина котораго съ колокольнею 56 саж. По высотѣ онъ занимаетъ седьмое мѣсто между извѣстными высочайшими зданіями на земномъ шарѣ. Высота шпица не разъ привлекала на него и на колокольню собора удары грома. Такъ въ 1735 г., 26 іюня, громовый ударъ зажегъ колокольню, но огонь вскорѣ замѣтили и потушили, въ другой разъ въ 1745 г., 19 іюля, молнія ударила въ колокольню и причинила много поврежденій не только въ колокольнѣ, но и въ соборѣ. Въ сводѣ, гдѣ произошелъ ударъ молніи, образовалась скважина, величиною въ яйцо; соборъ былъ наполненъ сѣрнымъ запахомъ, показалось было довольно большое пламя, но оно само собою погасло. Въ 1756 г., 30 апрѣля, въ часъ пополуночи, молнія ударила въ колокольню и черезъ 2 часа весь шпицъ былъ объятъ пламенемъ, не только сгорѣло все деревянное, но и самые колокола всѣ растопило, драгоцѣнные часы съ курантами тоже въ это время сгорѣли. Паденіемъ сгорѣвшаго шпица разрушена была соборная паперть, сдѣланная изъ бѣлаго мрамора. Во внутрь собора, впрочемъ, огонь, не пробрался, только бывшая на сводахъ живопись отъ жары почернѣла. Во время пожара успѣли спасти всю утварь и ризницу и даже постарались вынести по частямъ иконостасъ, единственный въ Россіи по превосходной архитектурѣ и по величественному изяществу. Соборъ былъ исправленъ только спустя 13 мѣсяцевъ; во время поправокъ дерево было замѣнено камнемъ и желѣзомъ.

Императрица Елисавета повелѣла нашему посланнику въ Голландіи, графу Головкину, пріискать готовые часы для колокольни; такіе были найдены у извѣстнаго въ то время часовщика Орта Красса за 32,033 р. 84 к. Съ часами этими было не мало хлопотъ. Вскорѣ Крассъ умеръ, и ихъ пришлось додѣлывать другому мастеру. Поставлены они были только въ 1777 году. Петропавловскій соборъ ко времени освященія его былъ снабженъ полною утварью изъ московскихъ соборовъ и, преимущественно. изъ дворцовой церкви свв. апостоловъ Петра и Павла, „что у нихъ, великихъ государей, вверху“.

Въ соборѣ, помимо многихъ драгоцѣнностей, есть много историческихъ вещей, какъ, напримѣръ, костяное паникадило работы самого Петра Великаго, устроено оно имъ въ 1724 г., когда онъ находился на Олонецкихъ минеральныхъ водахъ. Особенно богата ризница собора священными одеждами, полученными въ даръ отъ Августѣйшихъ Особъ. Стѣны собора украшены военными трофеями, пріобрѣтенными во время войнъ съ Турціей и Польшей.

До 1811 г. Петропавловскій соборъ былъ холоднымъ и только въ этомъ году въ немъ были сдѣланы печи. Спустя десять лѣтъ, въ соборѣ обнаружилось много неисправностей, и приличное храму благолѣпіе пришло въ ветхость, такъ-что въ 1829 г. перекратилось даже священнодѣйствіе на главномъ престолѣ. Работы по исправленію собора длились по 1848 г. Многими передѣлками въ этомъ храмѣ завѣдывалъ архитекторъ Монферанъ. Въ Петропавловскомъ соборѣ стоятъ гробницы всѣхъ Императорскихъ Особъ, недостаетъ только одной гробницы Петра II, погребеннаго въ Москвѣ, въ Архангельскомъ соборѣ. Всѣхъ царскихъ мраморныхъ гробницъ въ соборѣ болѣе двадцати, погребены-же въ стѣнахъ храма всего тридцать пять особъ. Надъ нѣкоторыми изъ царственныхъ праховъ на стѣнахъ находятся бронзовыя доски съ надписями. Первою была погребена въ Петропавловскомъ соборѣ малолѣтняя дочь Петра Великаго, княжна Екатерина, скончавшаяся въ Москвѣ въ 1708 г., второю—кронъ-принцесса Шарлотта-Христина-Софія, супруга цесаревича Алексѣя Петровича. Могила ея, какъ и самаго царевича, при началѣ лѣстницы ведущей на колокольню собора.

Погребеніе Императора Александра III.

7-го ноября Россія въ усыпальницѣ своихъ Царей, въ Петропавловскомъ соборѣ, похоронила Царя-Миротворца. Величественно и скорбно-торжественно совершены Царскія похороны, но вмѣстѣ съ пышностью тутъ была искренняя печаль, и горячія слезы не разъ прорывались изъ глазъ, когда произносились моленія о упокоеніи души раба Божія Великаго Государя Императора Александра, такъ безвременно оставившаго свой народъ.

Грандіозный видъ имѣла сегодня Царская усыпальница. Ея полъ покрытъ сплошь чернымъ сукномъ, ея стѣны мѣстами внутри завѣшаны траурными съ серебряною каймою драпировками, на нихъ вверху серебро-матовые щиты съ вензелемъ Александра III, а съ боковъ—гербы. Посреди храма, на красномъ помостѣ, на катафалкѣ стоитъ золотой гробъ съ тѣломъ Государя съ иконою на груди, покрытый золотымъ Императорскимъ покровомъ.

Надъ гробомъ—величественная сѣнь, въ видѣ громадной шапки Мономаха, достигающей плафона, изъ-подъ бѣлой опушки которой висятъ полукругами золотыя драпировки и четыре серебряныхъ глазетовыхъ полотнища ниспадаютъ внизъ къ четыремъ столбамъ собора, опоясывая ихъ; закрѣплены они на колоннахъ золотыми императорскими коро-

нами. Впереди катафалка съ гробомъ къ алтарю поставлены плотно по 6 въ рядъ глазетовыя золотыя табуретки съ такими же подушками, на которыхъ лежатъ ордена почившаго Императора, передъ ними въ линію 6 серебряныхъ подсвѣчниковъ, внизу аналой съ иконою въ головѣ гроба, 11 табуретокъ съ подушками и царскими на нихъ регаліями, 6 коронъ царствъ, мечъ, щитъ, скипертъ, держава, Императорская бриллiантова корона и во главѣ государственное знамя, за нимъ аналой, на которомъ священникъ читалъ Евангеліе, два діакона стоятъ по сторонамъ его съ большими свѣчами въ рукахъ. Дежурство изъ высшихъ чиновъ и придворныхъ окружаетъ гробъ. Двѣнадцать массивныхъ канделябръ, задернутыхъ трауромъ, стоятъ по угламъ возвышенія и катафалка. Масса ихъ свѣчей блеститъ на парчѣ и глазетѣ балдахина. На внутренней сторонѣ лѣваго его полотнища, рельефно выдается прикрѣпленное здѣсь изображеніе Спаса Нерукотвореннаго, съ надписью на верху: „Блаженни миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся". Кругомъ помоста стоитъ военное дежурство, 12 командировъ шефскихъ полковъ, въ томъ числѣ и командующій л.-гв. Преображенскимъ полкомъ великій князь Константинъ Константиновичъ, а затѣмъ вскорѣ на дежурство стали и полковники 9 иностранныхъ военныхъ депутацій шефскихъ частей, ниже стояли пажи и дворцовые гренадеры съ ружьями. У наружныхъ дверей храма стояли парные часовые отъ гусаръ. Весь соборъ, всѣ его колоны сверху до низу убраны вѣнками, которыхъ до 900-тъ, спинки табуретокъ съ орденами также обложены ими. Трудно передать красоту, оригинальность и роскошь такого убранства изъ приношеній народной любви и почтенія къ памяти Царя-Миротворца. Изяществомъ, разнообразіемъ поражаютъ французскіе вѣнки; двѣ западныхъ колонны храма убраны серебряною цѣпью исключительно московскихъ вѣнковъ. Огромный вѣнокъ отъ императора германскаго лежитъ въ ногахъ гроба. Сегодня еще принесли вѣнки серебряные отъ л.-гв. донскаго казачьяго Его Величества полка, и громадный вѣнокъ отъ войска донскаго изъ серебра съ атрибутами войсковыхъ регалій, знаменами и бунчуками.

Въ храмѣ еще пусто. Торжественная тишина его нарушается лишь мѣрнымъ чтеніемъ священника. Но вотъ мало-помалу соборъ наполняется. У окна съ правой стороны отведено мѣсто для корреспондентовъ газетъ и они уже всѣ здѣсь на лицо. Въ соборъ входятъ высшіе придворные, военные и гражданскіе чины. Тутъ были придворныя дамы и фрейлины, члены Государственнаго Совѣта, министры, сенаторы, особы первыхъ трехъ классовъ, генералъ-губернаторы, губернаторы, предводители дворянства, лица Государевой свиты, военное начальство и по три офицера отъ полковъ и частей гвардіи. Рельефно выдѣляются траурныя одежды дамъ съ длинными шлейфами и длинными черными вуалями. Въ числѣ присутствовавшихъ въ соборѣ находились римско-католическій митрополитъ Козловскій, епископъ-суффраганъ Симонъ и представитель англиканской церкви. Прогремѣли три выстрѣла, означающіе сборъ приглашенныхъ на погребеніе лицъ.

Въ 10 час. 10 мин. прибылъ высокопреосвященный Палладій, митрополитъ с.-петербургскій, и облачился передъ алтаремъ, на солеѣ.

Передъ соборомъ, тѣмъ временемъ, выставленъ почетный караулъ отъ л.-гв. Гусарскаго Его Величества полка со штандартомъ и хоромъ трубачей. Назначенныя для отданія послѣдней воинской Императорской почести войска выслали своихъ жолнеровъ на крѣпостные верки, на Троицкую площадь и набережныя Невы. Въ $10^{1}/_{2}$ часовъ прибыли въ соборъ Ихъ Величества Государь, вдовствующая Государыня, Король Датскій, Король и Королева Эллиновъ, Король Сербскій, князь Николай Черногорскій, всѣ великіе князья и великія княгини и Великая Княжна Высоконареченная Невѣста Государя Императора, иностранные владѣтельные особы и принцы, пріѣхавшіе на погребеніе съ своею свитою и состоящими при нихъ лицами. Въ предшествіи оберъ-церемоніймейстера, князя Долгорукова, съ жезломъ въ рукѣ, верхъ котораго обернутъ трауромъ, слѣдовали Государь съ Царицей-Матерью и прошли на правую сторону собора; ее наполнили затѣмъ всѣ Августѣйшія Особы. Митрополитъ съ сонмомъ архіереевъ въ свѣтлыхъ облаченіяхъ вышелъ изъ алтаря и встрѣтилъ Ихъ Величествъ съ крестомъ. Короли Датскій, Греческій, принцъ Уэльскій, князь Черногорскій и др. были въ русскихъ мундирахъ.

Митрополитъ съ двумя протопресвитерами, Янышевымъ и Желобовскимъ, двумя архимандритами, ректоромъ семинаріи Іоанникіемъ и старшимъ цензоромъ Тихономъ, протоіереемъ Іоанномъ Сергіевымъ (Кронштадскимъ) и мѣстнымъ священникомъ, приступилъ къ совершенію Божественной литургіи. Когда пѣли „Со святыми упокой" и «Вѣчная память", и Государь, и всѣ присутствовавшіе опускались на колѣни.

Послѣ литургіи вышли на отпѣваніе высокопреосвященный митрополитъ Палладій, архіепископъ финляндскій Антоній, преосвященные епископы Виссаріонъ костромскій, Германъ и Маркеллъ и викарные епископы Никандръ и Назарій. Соборъ архіереевъ и болѣе 10 архимандритовъ и протоіереевъ въ митрахъ совершили отпѣваніе. Полные грустной гармоніи заупокойные напѣвы, при исполненіи по истинѣ превосходномъ, до глубины души трогательномъ, производили неотразимое впечатлѣніе. Снова поютъ „Со святыми упокой", снова вся церковь склоняется въ молитвѣ предъ Всевышнимъ. Митрополитъ прочиталъ молитву. Вотъ Государыня идетъ къ гробу Того, съ Которымъ Она была такъ счастлива; это прощаніе тронуло всѣхъ до слезъ, и у кого въ это время не было горячаго желанія Государынѣ найдти утѣшеніе въ своихъ дѣтяхъ, въ этомъ миломъ Сынѣ, Ея Первенцѣ, который простился съ Почившимъ Родителемъ послѣ Нея, затѣмъ вся царская фамилія. Генералы свиты сняли съ гроба покровъ и отнесли его въ алтарь, камеръ-юнкеры принесли съ правой стороны крышку гроба. Государыня Императрица еще разъ, послѣдняя, простилась съ Августѣйшимъ Супругомъ, проливая горькія слезы.

Отпѣваніе кончилось, благоговѣйная тишина стояла въ соборѣ, гнетущая скорбь вызывала слезы на глазахъ. Государь, утиравшій много разъ слезы, уложилъ порфиру въ гробѣ Своего Родителя. Снова раздалось пѣніе. Хоръ пѣвчихъ, идя впереди, пѣлъ „Святый Боже", за нимъ архимандриты, архіереи и, въ предшествіи митрополита, великіе князья, принцы и короли, а въ головѣ Государь, подняли гробъ и понесли его къ могилѣ, въ лѣвой части храма, рядомъ съ могилами царственныхъ родителей Почившаго Монарха. Въ могилу, усыпанную розами и цвѣтами, дворцовые гренадеры опустили гробъ. Митрополитъ посыпалъ его землей и передалъ совочекъ съ землей Государю. Гробъ засыпали цвѣтами. Залпы войскъ и орудій загрохотали кругомъ крѣпости. Еще разъ прозвучала „Вѣчная память» подъ сводами собора.

Духовенство удалилось въ алтарь.

Окончилась скорбная церемонія. Ихъ Величества и Августѣйшія Особы вышли изъ собора. Прощальные залпы войскъ грохотали еще минутъ 20; но когда Государь вышелъ изъ дверей церкви, эскадронъ гусаръ взялъ „на караулъ", трубачи заиграли походъ. Почившему Монарху Миротворцу отданы всѣ почести, и военная музыка впервые привѣтствовала теперь новаго Вождя Россіи. Государь поздоровался съ гусарами. Громко раздалось отвѣтное: „здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество" и музыка заиграла „Боже, Царя храни". На флагштокѣ крѣпости спустили траурный флагъ и подняли крѣпостной гюйсъ. Войска возвращались въ свои казармы уже съ музыкой.

Долго продолжался разъѣздъ изъ крѣпости. Послѣднее дежурство у гроба Императора Александра III оставалось до задѣланія свода и закрытія могилы, послѣ чего надъ нею поставили временную, обшитую глазетомъ, гробницу.

Въ день похоронъ Государя Императора былъ данъ поминальный обѣдъ для 45,500 человѣкъ.

Иностранныя Высокія Особы и Депутаціи.

Вотъ перечень ихъ въ алфавитномъ порядкѣ:

1) Эрцгерцогъ австрійскій Карлъ-Людвигъ. 2) Принцъ Альбертъ Альтенбургскій. 3) Представитель англійской королевы оберъ-камергеръ лордъ Керрингтонъ. 4) Принцъ Людвигъ Баварскій. 5) Принцъ и принцесса Баденскіе. 6) Представитель принца Альберта прусскаго, регента герцогства Брауншвейгскаго, флиг.-адъют. бар. Крозигкъ. 7) Принцъ и принцесса Валлійскія. 8) Великая княгиня Вѣра Константиновна, герцогиня Виртембергская. 9) Герцогъ Альбертъ Виртембергскій, представитель короля Виртембергскаго. 10) Представитель ландграфа Гессенскаго—гофмаршалъ фонъ Страль. 11) Великій герцогъ Гессенъ-Дармштадтскій. 12) Король и королева эллиновъ и принцъ Георгъ. 13) Король датскій и принцъ Вальдемаръ. 14) Представитель королевы Испаніи—чрезвычайный посолъ герцогъ Альба. 15) Наслѣдный принцъ итальянскій Викторъ-Эммануилъ. 16) Герцогъ Йоркскій. 17) Представитель герцога Кумберландскаго, гофмаршалъ графъ Гроте. 18) Наслѣдный принцъ Люксембургскій. 19) Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій Іоганъ-Альбрехтъ. 20) Представитель великаго герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, гофмаршалъ фонъ-Стеуберъ. 11) Наслѣдный принцъ Ольденбургскій Фридрихъ-Августъ. 22) Представитель королевы-регентши Нидерландовъ, генералъ графъ Дюмони. 23) Принцъ Генрихъ и принцесса Ирена прусскіе. 24) Наслѣдный принцъ Фердинандъ румынскій, съ тремя сановниками. 25) Герцогъ и герцогиня Саксенъ-Кобургъ-Готскіе. 26) Принцъ Фридрихъ-Августъ Саксонскій. 27) Король сербскій. 28) Представитель короля сіамскаго принцъ Свасти (братъ короля). 29) Представители французской республики. 30) Князь Николай Черногорскій. 31) Принцъ Евгеній Шведскій. Бельгійское, бразильское, китайское, португальское, сѣверо-американское, турецкое и японское правительства своими представителями имѣютъ своихъ посланниковъ, обращая ихъ въ чрезвычайныхъ посланниковъ. Персидскій принцъ прідетъ позднѣе.

Военныя депутаціи:

1) Австрійская—отъ 11 уланскаго полка. 2) Баварскія—1-го полка (Chevaux legers). 3) Бельгійская. 4) Германскаго флота. 5) Датская. 6) Прусскія отъ сухопутныхъ войскъ: при ней генер.-штаба полковникъ Целебровскій: 7) Отъ гренадерскаго Императора Александра III полка: полковникъ Сосенъ, командиръ; капитанъ фонъ Кемницъ, поручикъ фонъ-Бисмаркъ, фельдфебель Книстель. 8) Отъ 1-го Вестфальскаго гусарскаго полка № 8. 9) Отъ уланскаго Имени Императора Александра III Западно-Прусскаго № 1 полка.

— Поминальные обѣды для бѣдныхъ въ Вильнѣ. Въ 1½ ч., въ день погребенія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Александровича, въ Михайловскомъ для бѣдныхъ зданіи была отслужена панихида въ присутствіи попечительницы ночлежнаго дома Маріи Карловны Буниной, д. с. с. Бѣлецкаго, полиціймейстера, смотрителя дома и множества молящихся. Послѣ богослуженія собравшемуся народу въ зданіи дома для бѣдныхъ, данъ обѣдъ изготовленный на 1240 человѣкъ. Обѣдъ состоялъ изъ слѣдующихъ блюдъ: 1) Щи и по 1 фунту мяса на человѣка; 2) рисовая каша съ изюмомъ; по одному фунту чернаго хлѣба и по булкѣ—на человѣка. Затѣмъ полъ бутылки пива.

Еврейское населеніе г. Вильны, также устроило 7 ноября, въ помѣщеніи Виленской еврейской дешевой кухни даровой поминальный обѣдъ для 2500 чел. бѣдныхъ безъ различія вѣроисповѣданія. Обѣдъ состоялъ изъ манной кашицы, ½ фунта мяса, ½ фунта чернаго хлѣба, 1 булки и бутылки пива.

Передъ началомъ обѣда была совершена по еврейскому обряду заупокойная молитва по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III.

Зданіе ночлежнаго пріюта для бѣдныхъ и Пофранцисканское зданіе съ утра уже осаждалось многочисленною толпою бѣднаго люда.

Впускъ народа начался съ 1 ч. дня.

— Начальникъ Юго Западнаго края, въ виду того, что **книгоноши великобританскаго библейскаго общества** неоднократно были замѣчены въ распространеніи штундитскаго лжеученія, призналъ необходимымъ сдѣлать распоряженіе о воспрещеніи имъ впредь производить въ предѣлахъ края торговлю книгами Священнаго писанія. Наблюденіе за точнымъ исполненіелъ этого распоряженія возложено на полицію.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

Дозволено цензурою.
Цензоръ Каѳедральный Протоіерей *Петръ Левицкій.*

Вильна. Губернская Типографія.
Ивановская у. № д. 11.